

поэзия перевода

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ
ХАНОХА ДАШЕВСКОГО
*с иврита, идиш, испанского,
украинского и грузинского*

Сборник стихов

Поэзия перевода. Избранные переводы Ханоха Дашевского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60243863

Поэзия перевода. Избранные переводы Ханоха Дашевского: Водолей;

Москва; 2018

ISBN 978-5-91763-414-2

Аннотация

Книга Ханоха Дашевского «Поэзия перевода» включает около 200 стихотворений и 8 поэм – итог работы переводчика за последние семь лет. Основное содержание книги – переводы с иврита. Добавлены также переводы с идиш, испанского, украинского и грузинского. Помимо знакомых читателю имён, в книге представлены малоизвестные и забытые поэты. Одной из главных задач составителя и переводчика было убедить читателя в том, что поэтический перевод может быть таким же явлением поэзии, как оригинальное произведение автора.

Содержание

Стихотворения	9
Переводы с иврита	9
Дунаш бен Лабрат	9
Приглашение на пир	9
Шломо ибн Гвироль	12
«Меня покинув, поднялась в закат...»	12
«Амнон-страдалец я! В бреду Тамар зову...»	13
«Как пальма, ты горда собой, Как солнце, лик сияет твой...»	14
Иегуда Галеви	15
«Будь милосердною, газель, к пленённому тобой...»	15
На расставание с любимой	16
Сион	20
Иегуда Альхаризи	24
«Как свет полночный, лик её манит...»	24
«Играет дева на киноре мне...»	26
Иммануэль бен Шломо Римский	27
«Мессия, поспеши, не медли и не стой...»	27
«Душа моя пока ещё едина...»	28
Иммануэль Франсис (Франчес)	29

«Не только жажда ласк и грусть томленья...»	29
«Не потому, газель, что красоты...»	30
Душа и плоть	30
Эфраим Луццатто	31
«Краса подруг ты, Хана! Воплощенье...»	31
Кто я и откуда	32
Исаак Луццатто	33
«Весь облик твой, такой прекрасный, множит...»	33
«Уж лучше смерть и вечная разлука...»	34
Шмуэль-Давид Луццатто	35
«Правда, моя госпожа и подруга...»	35
Меир Галеви Леттерис	36
Дочь Иудеи	36
У могильного камня	37
Миха-Йосеф Либензон (Лебенсон)	38
Печальная любовь	38
Иегуда-Лейб Гордон	41
Хана	41
Не своей волей живёшь	44
Божье стадо	45
Сестрица Рухама[15]	47
Менахем-Мендл Долицкий	49
К Пнине	49
К Шуламит	49

«Сион незабвенный! Отсохни, десница...»	50
Нафтали-Герц Имбер	51
Надежда[16]	51
Мордехай Цви Мане	54
Роза	54
Моей музе	54
Мой идеал	55
Шмуэль-Лейб Гордон	58
У надгробья невесты	58
Хаим-Нахман Бялик	61
К ласточке	61
Очи	64
Песнь Израиля	66
Весточка	67
«Когда увидишь, что напрасно...»	70
Слеза	72
На закате	73
«Посеял я вопль, и глаза мне...»	74
Прошлогодные стебли	75
В летний вечер	76
Пустыня сердец	78
Провидец, беги!	78
Юбилейное	79
Народные мотивы	80
«Кто знал её раньше...»	80

«Сидела в светлице...»	83
Шаул Черниховский	85
«Как ангелов хор, надо мною...»	85
Татарская песня[25]	86
Песнь любви	87
Дочь рабби	88
В Эйн Доре	91
Емшан[32]	95
Первые мертвецы[33]	98
Ури-Нисан Гнесин	101
«В час заката, в час молчанья...»	101
Элегия	101
«Страстью томим, в одиночестве...»	103
Яков Фихман	103
Она одна	103
Год без тебя	104
Шуламит[36]	105
Рахель	106
Предвестник	106
Праматери Рахели	107
Ури Цви Гинберг	108
Из цикла «Песнь сынов Кораха[38]»	108
Из цикла «Дворовый пёс»[43]	114
Из цикла «Семь осколков гранита»	132
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Ханох Дашевский

Поэзия перевода.

Избранные переводы

Ханоха Дашевского

*Моей жене Мине, которая поддерживала меня
на всех этапах работы, посвящаю*

На обложке: фрагмент картины Леонардо да Винчи

© Х. Дашевский, перевод, 2018

© Издательство «Водолей», 2018

* * *

Название этой книги – «Поэзия перевода» претендует на то, что каждый стихотворный перевод обязательно должен быть поэтическим явлением. Без этого необходимого условия тему поэтического перевода можно закрыть. Никакие теории перевода не оправдают отсутствие в поэтическом переводе поэзии. И в то же время, создавая на основе оригинала стихи на другом языке, поэт-переводчик не имеет права забывать, что *он* стоит за автором оригинала, а не автор за ним. Перевод должен быть убедительным, и если читатель

не верит, что перед ним стихи Хаима-Нахмана Бялика, Ури Цви Гринберга или Федерико Гарсиа Лорки – это поражение переводчика.

Именно такую задачу: представить убедительные переводы известных, малоизвестных и забытых поэтов поставил перед собой составитель и переводчик этой книги. Не ему судить об удаче замысла. Судья – тот, кто возьмёт эту книгу в руки. Ему и надлежит сделать вывод.

Основное содержание книги – поэзия на языке иврит. Также включены стихотворения и поэмы на идише, переводы с испанского, украинского и грузинского языков и в качестве послесловия – два эссе переводчика о выдающихся еврейских поэтах: Ури Цви Гринберге и Переце Маркише.

Комментарии и сноски сделаны переводчиком. Ссылки на Священное Писание даются по еврейскому канону. Параллельно приводятся названия, принятые в Синодальном переводе Библии.

Ханох Дашевский

Стихотворения

Переводы с иврита

Дунаш бен Лабрат
920, Багдад – 990, Фес (Марокко)

Приглашение на пир

Он сказал: «Ото сна
Встань, отведай вина!
Видишь, чаша полна,
Сладок финика плод.

Полыхает гранат,
И набух виноград.
Нежен трав аромат.
Тамарисковый мёд

Как всегда, свеж и прян.
Сеет брызги фонтан.
Рядом звучный тимпан

К наслажденью зовёт.

В этом дивном саду
Арфа с лютней в ладу,
И у всех на виду
Зелень буйно цветёт.

Шелест крыл голубей
Слышен здесь меж ветвей,
И поёт соловей,
И ликует удов.

Будем пить среди рос,
Среди лилий и роз.
Сок пленительный лоз
Всю печаль унесёт.

Выпьем кубков – не счесть,
И шербет будем есть,
И окажем мы честь
Всем, кто в гости придёт.

И зарежу я сам
овна лучшего нам.
Всё, что любо устам —
Всё здесь место найдёт.

Фимиам воскури!
Пировать до зари

Будем мы, как цари,
И блажен тот, кто пьёт». —

Но ответил я: «Срам
Предаваться пирам,
Коль в руинах наш Храм,
И пасётся там скот!

Пустословишь ты, брат,
Так глупцы говорят.
Лишь соблазны, как яд,
Источает твой рот.

Скудость в мыслях твоих.
Нет Всевышнего в них,
А в Святая Святых
Только лисий помёт.

Разве нам до утех?
Тих и горек наш смех,
Ибо мерзость для всех
Наш бездомный народ!

Шломо ибн Гвириоль 1021, Малага –1058, Валенсия

«Меня покинув, поднялась в закат...»

Меня покинув, поднялась в закат
Та, чьи ланиты – жемчуг и гранат.

Та, что влечёт влюблённые сердца,
Чьих уст не иссякает аромат.

В её деснице – обнажённый меч,
а копыя наготове – и разят.

Она – газель, бегущая к ручью:
Холодной влаги жаждет её взгляд.

Её румяна – лук и тетива:
Из них, как стрелы, молнии летят.

И в час, когда прикажет облакам,
Хрустальным ливнем слёзы заблестят.

Слезам небес не удивляйся, друг!
В сравненье с ними мои слёзы – град.

А те, кто рядом – глухи: ничего
Страдания ближних им не говорят!

Как встретить старость грустную тому,
Кто одинок все дни свои подряд?

И обретёт ли тот ночной покой,
Из-за кого бессонные не спят?

Пусть возвестит Господь свободу всем,
Кто обречён на гибель и захват.

И в милости поднимет мёртвых Он,
И в гнев – истуканов сбросит в ад!

«Амнон-страдалец я! В бреду Тамар зову...»

Амнон-страдалец я!¹
В бреду Тамар зову.
В её сетях я бьюсь во сне и наяву.

Ведите поскорей её ко мне, друзья!
Прошу лишь обо одном: возденьте на главу

¹ Сын царя Давида, воспылавший страстью к сводной сестре Тамар (Фамарь): Шмуэль-2 (2-я Царств), 13.

Ей царственный венец, и золото – на грудь.
О, друг мой! Кубок дать ей в руки не забудь!

Чтобы гасить огонь тех дней, когда она
С горящею стрелой спустила тетиву.

«Как пальма, ты горда собой, Как солнце, лик сияет твой...»

Как пальма, ты горда собой, Как солнце, лик сияет твой.
Тебе бы стать, как Авигайль²,

Для мужа праведной женой.
А ты, как будто Иезевель³,

Казнишь свирепой красотой.
Так возврати же душу мне

Из бездны тёмной и пустой.
И воспою я твой венец, И не умру перед тобой.

² Авигайль (Авигея) – жена царя Давида: Шмуэль-1 (1-я Царств), 25:42.

³ Иезевель (Иезавель) – жена израильского царя Ахава, гонительница пророков: Цари-1 (3-я Царств), 16:31, 18:13.

**Иегуда Галеви
1075, Тудела (Испания)
– 1141, Иерусалим (?)**

**«Будь милосердною, газель,
к пленённому тобой...»**

Будь милосердною, газель, к пленённому тобой,
Мой смертный час не приближай разлукой роковой,
Уж лучше жги глаза мои своею красотой.

Змеёю обовьёт меня огонь твоих ланит,
Сомкнёт объятия свои и в сердце поразит.

А сердце меж твоих грудей приковано моё,
Где ледяной души твоей пустынное жильё,
Два спелых яблока растут, и каждое – копьё.

Лишь посмотрю на них – в меня твоё копьё летит,
И жаждет тела моего – ему неведом стыд.

Газель, презрела ты закон, который Богом дан,
Твой взгляд охотится за мной, расставив свой капкан,
Душой стремится овладеть ресниц твоих обман.

Не потому ли так милы газели стать и вид,
Что пламя львицы в глубине газельих глаз горит?

Я перед взором этих глаз, у бездны на краю,
Кормлю своею плотью их, и кровью их пою,
Пьянею от лозы твоей, но сам вина не пью.

Цветёт твой сад передо мной, и каждый плод манит,
Глаза газели у тебя, а сердце – как гранит.

И если мне в твоём саду случится побывать,
И травы мять и лепестки душистой розы рвать,
Боюсь я в голосе твоём насмешку услышать.

И если даже голос твой небесный промолчит,
Услышу я, как в тишине смех ангелов звучит.

На расставание с любимой

Газель, скажи мне, что с тобою стало?
Послания слать ты другу перестала.

Уже давно не слышу я твой голос,
И хоть разлука нас не миновала —

Остановись, позволь ещё увидеть
Твоё лицо за краем покрывала.

В моей груди – пустыня, ибо сердце
С тобой ушло, с тобою кочевало.

Любовь, любовь! Дни нашей страсти помни,
Как помню я твоих ночей немало!

И если мне твой лик ночами снится,
Хочу, чтоб ты мой облик увидала.

Не перейти мне океан печали,
И не взойти на берег твой устало.

И ты не одолеешь эти воды,
Где ни конца не видно, ни начала.

О, если б золотой каймы шуршаньем
В мой час предсмертный ты мне слух ласкала!

Подай же весть, ответь на голос друга!
Скажи, кого душа твоя искала!

Пусть алые свидетельствуют губы:
Кровь сердца моего ты расплескала.

Как скажешь: нет? Ведь влагою багряной
Она на бархат рук твоих стекала.

Захочешь моей смерти? – Небо буду

Молить, чтобы тебя оберегало.
Глаза мои возьми – пусть их прикроют
Твоих ресниц полночных опахала.

Из моря слёз я жажду утоляю —
Оно утёсы солью размывало.

Горел костёр, а ныне угли тлеют
Там, где любовь и в холод согревала!

Дано нам расставанье, чтобы ночью
Душа во сне твой облик целовала.

Остались путы на твоих запястьях —
Слова прощанья тяжелей металла.

Как будто ожерельем из рубинов,
Ты ожерельем уст своих сияла.

На чёрных прядях ты завесу ночи,
Всю в золотистых искрах, расстилала.

Парча и шёлк узорный твоё тело,
Глаза твои очарованье ткало.

Перед тобою блекли украшения,
Лишь ты одна своей красой сверкала.

Луна и звёзды спорили, чьим светом

Твои ланиты полночь озаряла.

И девушки судили меж собою,
И каждая служить тебе желала.

Как нити губ твоих той ткани нити,
Которой ты свой стан опоясала.

Твои уста – лесные соты. Миррой
И народом грудь твоя благоухала.

Клеймо осталось на моей деснице,
Как знак, что ты меня околдовала.

И я клеймом тебе на сердце лягу,
Чтоб и меня во сне ты призывала.

Полыни вкус я чувствую – а прежде
Грудь ароматом сладких трав дышала.

Пошли своё дыханье, чтобы полночь
Его с моим дыханием смешала.

Для женщин много создано хвалений,
Но для тебя таких хвалений мало.

В полях любви все жницы преклонились
Перед снопом, который ты связала.

Кто принесёт мне тот бальзам чудесный,
Чьим ароматом плоть твоя дышала?

Молчит твой голос, только помнит сердце,
Как песнь твоей походки в нём звучала.

И в день восстания мёртвых, если Вечность
Вернёт живущим то, что смерть украла,

Мне душу возврати: уйдя с тобою,
Она назад дорогу потеряла.

Пошлёшь ли другу весть или забудешь
Тот час, когда судьба нас разлучала? —

Вернись скорее к очагу родному,
К порогу, где любовь тебя встречала!

Сион

Сион, спроси о тех, чья плоть страдает,
Но дух среди руин твоих витает:

Об узниках твоих – их всюду в мире
Тревога о тебе не покидает.

И плач их по тебе росой Хермона

В твоих горах пустынных выпадает!

Твоих скитальцев вижу возвращенье —
Их арфой голос мой сопровождает.

Названия «Пениэль», «Бейт Эль» святые,
И «Маханаим»⁴ сердце повторяет.

Там царствует Шехина⁵, там Создатель
Тебе Ворота Неба отворяет.

Не солнце, не луна – там Слава Божья
Тебя и днём и ночью озаряет.

Да изберёт душа моя то место,
Где свет Творца для избранных сияет!

Ты Трон Святой, ты Дом царей – зачем же
Бесстыдный раб в нём нагло восседает?!..

Кто даст бродить мне там, где сам Всесильный
Глазам пророков вечный Лик являет?!

Где крылья взять, чтобы лететь к ущельям,
Чей вид разломы сердца исцеляет?!

Паду я на лицо, приникну к камню

⁴ Места, упоминаемые в Библии.

⁵ Шехина – олицетворение Божественного Присутствия.

Земли твоей: она благословляет.

Хеврон увижу древний, где величье
Могильных плит отцовских вдохновляет.

И Ор-гору⁶ увижу, где могучий
Огонь святого факела пылает,

И Аварим⁷ – с него твои долины
Увидел тот, чья слава ослепляет.

Бальзам и мёд – вот запах неизменный
Земли твоей, и он не иссякает.

Приди, душа, босой к обломкам Храма,
Где запустенье сердце рассекает.

Где скрыт Ковчег, где злато херувимов⁸
Незримым блеском всё ещё сверкает!

Зачем мне звон монет, когда проклятье
Венец твой царский скверной покрывает?

Как есть и пить, когда собачья свора
Погибших львов останки разрывает?

⁶ Гора, где находится могила первосвященника Аарона.

⁷ Аварим – горный хребет, на одну из вершин которого (Нево), взойшёл Моисей перед смертью.

⁸ Изображения херувимов, покрытые золотом, украшали Ковчег Завета.

Зачем мне свет: чтобы смотреть, как мясо
Орлов в вороньих клювах застревает?

О чаша скорби! Меньше будь немного!
И так душа от горя изнывает!

Израиль вспомню, вспомню Иудею —
Пусть пенный кубок сердце наполняет.

Сион-мечта, кто ждёт с тобой свиданья,
Того в пути надежда охраняет.

И каждый, кто твою пустыню видит,
Слезу бессилья горького роняет.

К твоим вратам стремленье из неволи
Всех узников твоих объединяет.

И твой остаток, сброшенный в низины,
Он о своём былом величье знает.

К твоим вершинам тянется с обочин,
Луга твои и пальмы вспоминает.

Велик Египет, горд Багдад, но рядом
С тобой, Сион, их суета венчает.

Цари твои, пророки и левиты —

Кто им подобен, что их отличает?

Уходят царства, но твоя корона
Из рода в род сиянье излучает.

Как счастлив тот, кто после всех скитаний
Земле заветной жизнь свою вручает!

Как счастлив тот, кто твой рассвет увидит,
Кто новый день твой страстно возвещает!

Увидит он, как юность твой Создатель
Твоим цветущим нивам возвращает!

Иегуда Альхаризи
1165, Толедо (?) – 1225, Халеб (Сирия)

«Как свет полночный, лик её манит...»

Как свет полночный, лик её манит,
И смоль волос над розами ланит.

Как будто красоту других невест
Она себе забрала и хранит.

Её ревнует месяц молодой,
Он, как мечом, лучом своим разит.

И, словно стрелы огненные звёзд,
Свет глаз её во тьме ночной скользит.

Одним лишь взором старца седину
Она в лихие кудри превратит.

А губ её медовая роса,
Как на цветах предутренних блестит.

Чертог великолепия она,
Очарованье – стан её и вид.

Она немому возвращает речь,
Она слепого зреньем одарит.

Мудрец теряет разум перед ней,
И даль времён провидец не узрит.

И края нет всем прелестям её,
И нет конца – мой голос говорит.

Цена её достоинств – что она?
По праву ей весь мир принадлежит!

И кто сказал, что краше девы есть,
Тот, как незрячий, в темноте кружит!

«Играет дева на киноре мне...»

Играет дева на киноре⁹ мне.
Её коса, как ночь в моём окне.

Лицо – заря, а пальцы рук нежны,
Подобные жемчужной белизне.

Газель, струну¹⁰ кинора натяни!
Когда услышу страсть в твоей струне,

Она в моей душе пробудит песнь,
И буду петь с тобою наравне.

Пока не вспыхнет искра, не пройдёт
От сердца к сердцу – и сгорим в огне!

⁹ Древнееврейский музыкальный инструмент; на современном иврите – скрипка.

¹⁰ В иврите слово «струна» имеет также значение «тетива».

Иммануэль бен Шломо Римский

1265, Рим – 1330 (?)

«Мессия, поспеши, не медли и не стой...»

Мессия, поспеши, не медли и не стой!
Прихода твоего все поколения ждут
В слезах за родом род – и новые грядут
Мольбу и вопль, о царь, взнести перед тобой.

Наш сумрак озари! Зажги фитиль льняной.
Венец венцов – Сион освободи от пут.
Воспрянут те, кто слаб, и сильные падут,
Когда увидит мир горящий факел твой.

Как свет дневной ворвись, не постучавшись в дверь!
На взмыленном коне свой царский лик яви!
Смотри, изранен я: вся плоть моя в крови.

А если на осле¹¹ ты въедешь к нам – поверь,
Унизишь ты себя. Тогда мечту прерви
Явленьем ран твоих – и больше не зови!

¹¹ Мессия должен явиться на коне, как царь и воин. Но есть мнение, что он придёт, как бедный странник, страдающий и верхом на осле.

«Душа моя пока ещё едина...»

Душа моя пока ещё едина
С убогим телом, но не я лелеял
Отборный колос: сорняки я сеял,
И въелись в кожу желтозём и глина.

И меры я не знал. Моя личина —
Тот вольный дух, что надо мною реял.
И если б мне Всесильный сон наваял,
Душе свободу дать была б причина.

Что мне ещё сказать — ведь я седею,
Промчались годы, сгинули в тумане.
Бездомный странник и нагая плоть я.

И не мудрец, хоть знанием владею.
И если бы умнее был я ране,
То не носил бы в старости лохмотья!

Иммануэль Франсис (Франчес)
1618, Мантуя (Италия)
– 1703 (?), Ливорно

**«Не только жажда ласк
и грусть томленья...»**

Не только жажда ласк и грусть томленья
Таятся в чёрных косах этой лани! —
Там скрыта волчья яма, там в капкане
Напрасно ждут влюблённые спасенья.

И снег её груди, и жар горенья
Смешали вместе в белом урагане
Мороз и зной – и разожгли в тумане
Огонь, палящий всех без снисхожденья!

Из глаз её невидимой стрелою
Сердца пронзает страсть, как враг из лука,
И стягивает каждое петлёю.

И потому, друзья, вот вам наука:
Не устремляйтесь за её косою —
Там ждёт вас плен, там поджидает мука.

«Не потому, газель, что красоты...»

Не потому, газель, что красоты
Твоих ланит не превзойти другим,
Не потому, что обликом своим
Ты совершенство в мире суеты.

Не потому люблю тебя, что ты
Полна очарованьем молодым.
Натянет время лук, и перед ним
Поблекнут твои нежные черты.

Но потому, о лилия долин,
Что сердцем крепче связан я с тобой,
Чем свадебный связал нас балдахин!

Так пусть же облик вечно юный твой
Меня сопровождает до седин,
И в мир грядущий перейдёт со мной!

Душа и плоть

Когда в лучах зари встречаю Хану,
Когда Наоми вижу в час заката —
Душа моя то пламенем объята,

То кровью истекает, словно рана!

Душа и плоть в разладе постоянно:
Расстаться с Ханой – мука и утрата.
А страсть к Наоми – горькая расплата,
Ибо не вырвать сердце из капкана!

И так же, как наждачный камень точит
Железный лемех, искры высекая,
Так страсть одна, с другой сойдясь, клокочет.

Суди же, Бог, меня: или влагая
Второе сердце в грудь, где боль рокочет —
Или одно на части разбивая!

Эфраим Луццатто
1729, Сан Даниэли дель Фриули
(Италия) – 1792, Лозанна

«Краса подруг ты, Хана! Воплощенье...»

Краса подруг ты, Хана! Воплощенье
Всех девичьих достоинств! Видит каждый:
Созрела ты для ласк любви, и жажды
Родник твой обещает утоленье.

Лук красоты ты держишь в натяжение.
В глазах – колчаны стрел! Стреляй однажды!
Спрячь под вуаль лицо, не целься дважды!
Ведь на тебя смотреть – изнеможение.

Ты мне в одно мгновение раскрыла
Великолепье, негу, блеск и чудо,
И обрекла на страсть и покорила.

Ты взглядом искры высекаешь всюду.
И там, где искры света ты дарила —
Огонь любви начнёт пылать оттуда!

Кто я и откуда

Страна моя¹², чей облик, отражённый
Навеки в сердце, сразу узнаваем!
Дом, на холме просторном укреплённый!
Семья моя – Луццатто, я – Эфраим.

Там я в саду бродил, замороженный
Журчаньем родника и птичьим гаем.
Там, с уст слетая, в сумерки вплетённый,
Напев любви звучал, незабываем.

¹² Итальянская область Фриули-Венеция-Джулия, родина поэта.

И это правда, что печатью детства,
Печатью ранних дней мой дух отмечен.
Нет зависти, нет гнева – я беспечен.

Быть бедным не боюсь, не жду наследства.
Смотрю на мир неомрачённым взглядом,
И нет людей, меня счастливей, рядом.

Исаак Луццатто
1730, Сан Даниэли дель
Фриули – 1803, Триест

**«Весь облик твой, такой
прекрасный, множит...»**

Весь облик твой, такой прекрасный, множит
Хор восхвалений в мире неизменно.
И если даже слух твой изнеможет
От гимнов этих – им не будет тлена.

Блеск глаз твоих чьё сердце не встревожит?
И даже гнев их красит непременно.
Жемчужный ряд зубов твоих поможет
Твоим чертам светиться вдохновенно.

Я красоту твою не умаляю,
И не найдя в тебе следов изъяна,
В изнеможенъе взор свой опускаю.

Перед тобой немеют постоянно
Уста мои, но в сердце повторяю:
Из всех красавиц только ты желанна.

«Уж лучше смерть и вечная разлука...»

Уж лучше смерть и вечная разлука,
Чем жить в оковах, по тебе страдая!
О, лань восхода¹³! В сердце боль без края,
И бледность черт моих тому порука.

Уж лучше гибель, ибо страсти мука
В моей гнездится плоти, дух терзая.
Не жду пощады, об одном мечтаю:
В тиши лежать, без мысли и без звука.

Чем, скорбный путь пройдя до половины,
Перед твоим напрасно вянуть ликом,
Уж лучше сразу встретить день кончины.

Ибо очаг без дров золою тлеет,
Лев, дичь не чуя, лес не будит рыком,

¹³ Поэтическое именование зари.

И без дождя речной поток мелеет.

Шмуэль-Давид Луццатто 1800, Триест – 1865, Падуя

«Правда, моя госпожа и подруга...»

Правда, моя госпожа и подруга!
Тебе, дочь Неба, не изменяя,
Я стены воздвиг, тебя охраняя,
В руках моих – меч, на груди – кольчуга.

Презревшим правду шлю без испуга
На битву вызов, ложь не прощая;
От их лукавства тебя защищая,
Не вижу брата, не знаю друга.

И потому не к медовым сотам —
К полыни льну, слыву Дон Кихотом,
Безумцем слыву, слыву бессердечным.

Моя Царица! Всего лишь тень я
Короны твоей. Снесу оскорбленья,
И буду твоим Дон Кихотом вечным!

Меир Галеви Леттерис 1804, Жолкиев (Галиция) –1871, Вена

Дочь Иудеи

Полна её поступь величья и стати,
Над нею луна своё сеет мерцанье;
В глазах её звёздные сходятся рати,
И ночи и дня в них царит сочетанье.
А лику её не нужны украшения —
Не гаснет в нём свет семикратный Творенья.

И пусть её образ окутан печалью,
Такая краса и во мраке сверкает:
Коса развевается чёрною шалью,
И скрытое пламя сердца обжигает.
Блаженство несёт она каждому взгляду,
И каждому встречному – мир и отраду!

Нет равных зеницам её голубиным,
Светла она в грусти своей молчаливой.
Уста её крашены алым кармином,
И пальме подобна она горделивой.
Не могут смутить её душу пороки,
В душе этой – вечного мира истоки!

У могильного камня

Обрёл он покой в глубине небосклона.
Он снял одеянья печали и горя;
Он свет семикратный узрел изумлённо,
Восторженно хору небесному вторя.

И нет для него ни предела, ни края!
В полях, озаряемых звёздною ратью,
Светила мерцают ему, повторяя:
«Ты с нами, любимый! Отныне мы братья!»

Сияет над ним луч зари первозданной.
Не молкнут в ушах его песни Сиона.
Он снова обрёл струны лиры желанной,
Где Деревя Жизни колышется крона!
Он там, где места мудрецов – у Подножья!
Оттуда Престол ему видится Горний.
Где праведным Слава является Божья,
Там вечный надел его, вечные корни.

Миха-Йосеф Либензон (Лебенсон) 1828, Вильно – 1852

Печальная любовь

В тоскливый тот вечер молчал я устало,
Но в гордости сердца, в презренье жестоком,
Не зная пощады, в меня ты метала
Ножи своих слов и пронзала упрёком.

И это любви твоей чистые всходы!?
Такая любовь горше лютой печали!
Раздвинь же ночные угрюмые своды,
Открой мне очей твоих синие дали!

Ты помнишь, мы были вдвоём. Холодело
Багровое солнце, над рощей сияя.
В огне уходящем щека твоя рдела,
Дразня и как поздний закат ускользая.

А помнишь, под ночь, в серебристом тумане,
Мы птички в лесу услышали свирели.
Шептались цветы с ветерком на поляне,
И мудрые старцы-дубы шелестели.

Шептала речная волна, обнимая
Подругу-волну: «Эти быстрые струи
Несут по течению, сестрица родная,
Объятия наши, несут поцелуи».

Но гнев твой кипел в тишине перелеска,
И тысячью глаз своих небо светило,
И только одна среди звёздного блеска
Луна, как свидетель печальный, застыла!

А помнишь, весенней порой, дорогая,
В разлив нашу лодку качало волною.
Бурлила река, берега раздвигая,
И чёрное небо сливалось с землёю.

Прокладывал ветер пути непогоде,
Кочующий гром грохотал в поднебесье,
Казалось в тот миг, что в одном хороводе
С грозой налетевшею пляшет полесье.

Усеяли капли дождя твои щёки,
От влаги небесной набухли ресницы;
Под отблески молний, под гул недалёкий
В очах твоих юных мерцали зарницы.

Тогда, испугавшись ночного ненастья,
Ты шею мою обхватила в молчанье.
В объятье мы замерли оба от счастья,
И жаром твоё полыхало дыханье.

Как мокрые листья, тела трепетали.
Голубка! Слезинка твоя задрожала!
В тот миг мы душою единою стали,
И кровь, закипая, по венам бежала...

Зачем тебе помнить всё это? Досадой
Ты грусти добавила мне и страданий.
Печаль моя стала твоею отрадой —
О сердце! Довольно пустых причитаний!

Воспряну! И пусть расставание тяжко,
Но девичья спесь не сильнее поэта.
Уйду, хоть и кажется крепкой упряжка,
И пусть остаётся твой зов без ответа.

Увы! Это бремя мне снять не по силам!
Владеешь ты мной! Как с тобою проститься?
Как крови велеть не струиться по жилам?
Как дать приказание сердцу не биться?

И как из-за этой обиды, пусть жгущей,
Сверлящей мне грудь, нашу связь разорву я?
Так лист, оторвавшись от розы цветущей,
Поблекнет, увянув, погибнет, тоскуя.

И всё же прегордную деву покину.
Нет больше терпенья! Пусть слово нарушу,
И сгину — без солнца весеннего сгину,

Как чахлый росток! Ведь теряю я – душу!

Иегуда-Лейб Гордон **1830, Вильно – 1892, Санкт-Петербург**

Хана

Когда я твой образ увидел впервые,
Как будто завеса с очей моих пала.
Исчезли, как призраки, сны роковые,
И новое утро лучами сверкало.
Да будет искуплено всё мирозданье,
Коль есть в нём такое, как Хана, создание!

Что свод полуночный, луной озарённый?
В сравнении с глаз твоих сумраком звёздным
Что розы долин, ароматы Левоны¹⁴?
С твоим ли сравнятся дыханием росным?
Твой взор – первозданного света отрада.
А лик – отражение Божьего сада.

И пусть не бела, будто снег, твоя кожа,
И лоб не сияет небесной печатью
Пускай ты румянцем с зарёю не схожа

¹⁴ Нагорье в Иудее; славилось ароматными травами.

И с ланью стремительной видом и статью —
Под тяжестью будней цветёшь ты упрямо
Не зная порока, не ведая срама.

Пуškai на руках не сияют браслеты,
Не красят тебя дорогие каменья,
Но в сердце, где Божьи хранишь ты заветы,
Там чары твои, там твои украшения.
Росинками детства твой облик отмечен,
И знак этот светлый незыблем и вечен.

И пусть ты в неяркое платье одета,
Но свежестью роз твоё тело налито;
Как пава ступаешь тропою рассвета,
Хоть золотом обувь твоя не расшита.
Тебе ли стыдиться простого наряда —
Для многих твой взгляд драгоценнее клада.

Подобна ты солнечной пальме зелёной!
Как пальму цветущую красят побеги,
Так косы тебя украшают короной,
Ты – символ любви, воплощение неги!
Сияет лицо неизменной улыбкой,
И голос звучит твой волшебною скрипкой.

И пусть иногда на лице твоём тени,
Когда ты смеёшься – весь мир поднебесный
Тотчас расцветает красою весенней,
И юных пленяет лик девы прелестной.

Трепещет мой дух и смущён твоим жаром,
Как робкий фитиль перед пламенем ярим.

И если твой голос во мне отзовётся
Звучанием арфы – пусть станет короче
Дорога к тебе, и тоска разобьётся,
Как в блеске зарниц изваяние ночи.
На этой земле мне темно и тревожно,
И тяжело любить, и забыть невозможно.

Во взгляде твоём есть чудесная сила,
Кто встретит его – тот очнётся не скоро.
Немало сердец ты уже опалила
Горячими углями дивного взора.
Сиянье твоё даже грустью не скрыто,
И панцирь от копий твоих не защита.

Не думай, что мир предназначен гниению,
Что режет безжалостный серп ежечасно,
Что вечному мраку, распаду и тлению
Твоя красота молодая подвластна.
Лишь плоть остаётся во тьме преисподней,
А дух – у подножия Славы Господней.

Поблекнут румяные щёки, как розы,
И сморщится тело, и груди увянут;
В глазах потускневших появятся слёзы,
Зима твоей жизни и холод настанут.
И только душе твоей, нежной и сильной,

Не страшно дыхание ямы могильной.

Когда я твой облик увидел впервые,
Предстало мне чудное Божье творенье.
Ты сны разогнала мои роковые,
Смотреть на тебя мне дала наслажденье.
Открой же мне небо, само Совершенство!
И вечным небесное будет блаженство!

Не своей волей живёшь

На миг и я на мост поднялся тесный,
Что жизнь и смерть связал дугой печали.
И воспарил мой дух орлом над бездной,
И цепи мрака плоть мою сковали.

Иссохло сердце. Прежний мир – руины.
Нет больше чувств: забыл и кто и что я.
Остановилось колесо машины,
Один лишь шаг – и вот страна покоя.

И это облик смерти, чьи объятья
Вселяют трепет, перед кем бледнею?
Нет, только призрак нас пугает, братья!
Не смерть страшна, а ужас перед нею!

Лишь ужас смерти – он имеет силу!

А умереть не страшно: все страданья
Закончатся в тот час, когда в могилу
Сойдём без страха и без содроганья.

Уже и я на этот путь вступаю,
Уже и я в гробу одной ногою.
Но шаг за шагом приближаясь к краю,
Шум голосов я слышу за собою.

То вопли близких... Удержать упрямо
Меня стремятся в жизни. Не держите!
Наивные! Не одолеть вам яму!
Зачем же небо мне закрыть хотите?

Божье стадо

Вы спросите: кто мы? Какого извода?
Народ ли, не хуже любого народа?
Кем видимся мы? Может, крепкой общиной,
Собранием преданных вере единой?
Открою вам тайну – лукавить не надо:
Ведь мы не народ, не община – мы стадо.

Как скот, предназначенный в жертву, вервями
Опутаны мы – и алтарь перед нами.
Покорны судьбе и покорны страданью,
Как Божии овцы восходим к закланью.

Лугов нам не ведать и зелени сочной:
По воле мудрейших мы связаны прочно.

Ни пастбищ привольных, ни вдоволь осоки, —
Но любят погонщики тук наш и соки.
Стригут нашу шерсть и вчерашнее пойло
Нам щедро вливают в корыто у стойла.
В открытой ветрам каменистой долине
С младенческих лет нас пасут – и доньше.

Мы стадо в безлюдье, мы скот на просёлке:
С обеих сторон осаждают нас волки.
Мы там, где не слышно ни вопля, ни зова.
Ведь мы – отвращенье для рода людского.
До края дошли и толпимся над бездной.
Над медью пустыни – свод неба железный.

Но мы – скот упрямый: мы твёрже металла.
Крепка наша выя, и кровь не устала.
Дубильщики кожи не справились с нами,
Голодные звери давились костями.
И если скитанье наш дух не гасило,
Умрёт ли надежда, иссякнет ли сила?

Уклад нашей жизни нас предал забвенью.
Мы бродим по миру пугливою тенью.
В плену наши души – и судим предвзято,
И любим себя, не болея за брата.
И нету спасенья, и всюду преграда —

Ведь мы не народ, не община – мы стадо.

Сестрица Рухама¹⁵

Что загрустила, сестрица Рухама?
Есть ли под небом сердце без шрама?
Что на щеках твоих розы увяли
Так, словно их пальцы чёрные мяли?
Если возрастает всё, что греховно,
Ты ль насаждала, ты ли виновна?

Не осквернили твоей позолоты
Те, кто излил на тебя нечистоты.
Встань же, разгладь поскорее морщины —
Скорбные знаки, наследье кручины.
Нет на тебе ни бесчестья, ни срама —
Тебе ли стыдиться, сестрица Рухама?

Кто кровью твоею испачкан – ответит!
Так Авеля кровь лоб Каина метит.
Пылает клеймо, знак позора не спрятан:
Он в кожу убийцы навеки впечатан.
А ты свои раны по миру упрямо
Неси, не склоняясь, сестрица Рухама!

¹⁵ Написано после погромов 1881–82 гг., положивших начало эмиграции российских евреев.

Неси, не стыдясь, свою тяжкую долю.
Мы вместе с тобой устремимся на волю.
Встань и пойдём: ни спасенья, ни чуда
Мы не дождёмся... Скорее отсюда!
От злобного воя, от гнусного хама...
Воспрянь же душою, сестрица Рухама!

Встань и пойдём! Материнский не прочен
Дом наш, и кровью порог оторочен.
Не будет нам здесь надёжного крова —
Пойдём же туда, где примут любого.
В приюте гонимых, вдали от бедлама
Рассвета дождёмся, сестрица Рухама!

Встань и пойдём! Даже в день непогоды
Там согревает сиянье свободы
Всех, угнетённых наветом и ложью,
Всех, сотворённых по Образу Божью.
Там ты посмотришь честно и прямо
Миру в глаза, сестрица Рухама!

Менахем-Мендл Долицкий **1856, Белосток – 1931, Лос-Анджелес**

К Пнине

Чей взор к твоей прелести не был прикован,
Тот лунных ночей не видал озаренья.
Кто голосом не был твоим очарован,
Тот арфы и скрипки не слышал с рожденья.

Кто лик твой не видел – тот утренних лилий
Не видел в омытых росой долинах;
И кто твоих глаз не видал голубиных,
Тому небеса никогда не светили.

И вы, звездочёты, стараетесь тщетно:
Вам тайны светил не постичь ни единой,
Пока не прочтёте, как в книге заветной,
Послание звёздного неба для Пнины.

К Шуламит

Как Божья свеча – солнца луч безмятежный —

Сияет твой взор непорочный.
Как отблеск серебряный россыпи снежной,
Лицо твоё в час полуночный.

Как капли росы на соцветиях розы,
Глаза твои в свете зарницы.
И грусти ночной золотистые слёзы
Наводит луна на ресницы.

Как слава Сиона весь край наш родимый,
Так страсть грудь твою наполняет.
Там властвуют чары, там прелесть любимой
И сердце и душу пленяет.

Идём же со мной, Шуламит дорогая,
И будешь, в стране наших грёз расцветая,
Цветов её дивных чудесней.
И там, среди лилий долин, моё счастье,
Забудешь печаль, как весною ненастье,
И песней звучать станешь. Песней!

«Сион незабвенный! Отсохни, десница...»

Сион незабвенный! Отсохни, десница,
Коль я о тебе позабуду!
Пусть в яму сойду, коль душою стремиться
К руинам Сиона не буду!

Прилипни, язык, влаги жаждущий, к нёбу,
И высохни сердце от боли,
Коль слёз мне не хватит, чтоб плакать до гроба
О муках Сиона в неволе!

Пусть рухнет мой кров, пусть скитаться по норам
Я буду в лохмотьях и в горе!
Червей стану есть и покроюсь позором,
Коль слава Сиона в позоре!

Оплот мой единый! Меня неизменно
Ты греешь своими лучами!
И даже в могиле, средь гноя и тлена,
Почувствую я твоё пламя!

Нафтали-Герц Имбер
1856, Злочев (Галиция) – 1909, Нью-Йорк

Надежда¹⁶

Пока жар души глубоко
В груди еврея пылает,
И он к пределам востока,

¹⁶ Начало стихотворения (вторая строфа изменена) стало гимном Израиля.

К Сиону взор устремляет —

Ещё дано воплотиться
Надежде нетленной:
В страну отцов возвратиться,
В Давида град¹⁷ незабвенный.

Пока, как из полной чаши,
Дождями слёзы струятся,
И верные братья наши
К надгробьям отцов стремятся,

Пока ещё нашей Святыни
В глазах горит отраженье,
Пока еврей и поныне
Скорбит о её крушенье,

Пока потоки Ярдена¹⁸
Кипят и неугомонно
С великим гулом и пеной
В Кинерет текут с Хермона,

Пока песок запустенья
Ночная буря взметает,
Пока дочь Сиона тенью
Среди руин обитает,

¹⁷ Иерусалим.

¹⁸ Иордан.

Пока ещё есть евреи,
Встающие в час урочный,
Оплакать прах Иудеи
Слезой молитвы полночной,

Пока ещё кровь, вскипая,
Струёй бежит в наших жилах,
Пока роса голубая
Лежит на святых могилах,

Пока в груди, как и прежде,
Еврейское сердце бьётся —
Ещё верны мы надежде,
Что благом Бог отзовётся.

Внимай же, о брат мой милый,
И помни слова пророка:
Пока не иссякли силы,
И взор устремлён к востоку —

Ещё дано воплотиться
Надежде священной!
В страну отцов возвратиться,
В Давида град незабвенный!

Мордехай Цви Мане

1859, Радошковичи (Белоруссия) – 1886

Роза

Как блещешь ты, роза, весенней красою!
Полны твои вены рубином багряным.
То плачешь, сверкая вечерней росой,
То взором сияющим льнёшь к моим ранам.

Цвет белый, цвет жёлтый – всю гамму цветенья
Ты в завязи прячешь, и ждёшь, что природа,
Тебе аромат подарив от рожденья,
Добавит к нему запах дикого мёда.

И с тихим жужжаньем пчела золотая
Украсить тебя блеском крыльев стремится.
Пьёт сладкий твой сок, над тобою витая,
И ты оживаешь, вспорхнув словно птица.

Моей музе

Лишь голос услышу твой утренней ранью,

Пробудится сердце, воспрянет, как птица;
Навстречу рассвету, навстречу сиянью,
С тобой, моя муза, душа устремится.

Очнусь от дремоты, и струны настрою,
В твоё изолью я, любимая, лоно
Все чувства мои, наслаждаясь тобою,
И рад буду жизни, тоской утомлённый.

И слыша твой голос, забуду невзгоды.
И в утренний час, с восходящей зарёю,
Увижу всю прелесть ожившей природы,
И неге весенней я сердце раскрою.

И если душа, словно в миг сотворенья,
Полна первозданной надежды и силы —
Зачем же твердить мне, что нет избавленья?
С тобою я счастлив до самой могилы!

Мой идеал

Солнце к западу склонило
Огненное лоно,
Озарило светом алым
Дали небосклона.

Мир в покое. Не услышишь

Шума до рассвета;
На пригорке, в отдаленье —
Там приют поэта.

Как ты мил, расцвет весенний!
Голос мой немеет:
Он твоё великолепье
Выразить не смеет.

Но весна душе надежду
Возвратит – и с нею
Голос мой, забыв печали,
Зазвучит сильнее.

Мир в покое до рассвета.
Кажется – не дышит;
Но крыла внезапный трепет
Даже сонный слышит.

Это аист надо мною,
Белизной сверкая,
Взмыл в простор и путь свой чертит,
Небо рассекая.

Ах, и мне б такие крылья
И стремленье птичье!
Полетел бы прочь, срывая
Рабское обличье!

И в полях моей отчизны,
Ветром исцелённый,
Стал бы петь, как пел Галеви¹⁹
У руин Сиона.

Где ты, где, земля святая?
Сердце искры мечет;
Душу грустную и тело
Твой бальзам излечит.

И блаженство и отраду
Силою целебной
Наконец-то мне подарит
Воздух твой волшебный.

В золотых лучах рассвета
Заблестели росы;
Вышли рано земледельцы
С песней на покосы.

Собирает рог пастуший
С водопоя стадо;
И напев невесты юной
Слышится из сада.

На заре и я бы вышел
С пахарями в поле;
Затянул бы с ними песню,

¹⁹ Поэт Йегуда Галеви.

Позабыл о боли.

Позабыл бы скорбь, увидев
Лик надежды милой;
И вернул бы я веселье
И былую силу.

Чтоб тебя, Земля святая,
Воспевать до гроба!
Так пускай же к возрожденью
Мы воспрянем оба!

**Шмуэль-Лейб Гордон
1867, Лида (Белоруссия)
– 1933, Тель-Авив**

У надгробья невесты

Стоит со мной рядом, и словно живая,
В глаза мои взором глядит голубиным;
Молчанье. Лишь роща шуршит вековая,
И сладким напевом звенит соловьиным.

И светлая россыпь – жемчужин крупницы —
Всё так же на облике светится юном;

Взлетает, сияя, и к ней на ресницы
Спускается вновь отражением лунным.

Лишь ветер подует – и чёрные пряди
На лоб ей ложатся крылом воронёным.
Вздымаются волны в чарующем взгляде,
И тонет душа в этом море бездонном.

Лучом к её чистым устам приникая,
Ей месяц с теплом и участием внимает;
Целует её – и меня утешая,
Дрожащую руку мою обнимает.

И лунному сердце подвластно объятью —
Душа семикратным заполнена светом;
И вместе с сияющей звёздною ратью
К высотам стремится, любовью согретым.

Но стонут печальные арфы страданья,
И лишь соловьи не смолкают, ликуя.
Не этот ли образ – гранит изваянья,
Красу ледяную в себе унесу я?

На облик любимой смотрю я угрюмо,
И в сердце потухшем не слёзы, а камни.
А роща полна неумолчного шума,
И песня прощанья в округе слышна мне.

Доносится стон, в грудь мою проникая,

И сердце становится мягким, как глина.
Что это за стон? Не душа ли живая,
Как эхо разбитого плачет кувшина?

И гаснут неяркие жёлтые блики:
Луна в облаках наплывающих тонет
С печатью страдания на сумрачном лице —
И только душа безутешная стонет.

Довольно! Ни возгласы горя, ни стоны
Нам стати её не вернут лебединой;
Пусть струны притихшие скрипки влюблённой
О жизни поют среди ночи пустынной!

Мерцание гаснующих звёзд на рассвете,
Багряное солнце, волнение нивы,
Журчание вод, ароматы соцветий
И утренних птичьих напевов изливы —

Все прелести мира! Куда вы пропали?
Чьи чёрные тучи светило затмили? —
И певчие птицы умолкли в печали,
И скорбные лилии стебли склонили.

Кто был тот безумец, преддверие ада
Открывший бездумно навстречу сиянью?
Кто высушил свежесть весеннего сада?
Кто предал красу и любовь поруганью?

Как ягод созревших тяжёлые гроздья,
Вином молодым её очи пьянили;
Она ненадолго пришла, словно гостья,
И ей черепки на глаза положили²⁰.

Теперь отдыхай от нужды и от боли
В пристанище вечном. Забудь всё, что было!
С тобою останусь и я: в этом поле
Души моей мёртвой и сердца могила!

Хаим-Нахман Бялик **1873, Рады (Украина) – 1934, Вена**

К ласточке

Привет тебе, ласточка! Снова вернулась
Ко мне под окно ты весною;
Из дальних краёв, где ни снега, ни выюги,
Вернулась ты петь предо мною.

Быть может, споёшь мне, быть может, расскажешь
О странах чудесных восхода?
Скажи, неужели там те же страдания,
Что mnoжатся здесь год от года?

²⁰ Еврейский траурный обычай.

Привет принеси мне от братьев в Сионе,
Своё засевающих поле!
О знают ли братья-счастливы, как горько,
Как тягостно бремя неволи?

О знают ли, сколько врагов беспощадных
Меня окружают повсюду?
Пой, ласточка, пой о стране благодатной,
Подобной весеннему чуду!

Привет принеси мне от стеблей в долинах,
От гор каменистых, но милых!
Утешит ли Бог свой народ, коль в Сионе
Забвенье и пыль на могилах?

Всё так же ль, как прежде, Шарон²¹ и Левона
Полны ароматом бальзама?
Поник ли главою лес кедров Ливана,
Иль высится гордо и прямо?

Нисходят ли жемчугом росы Хермона,
Иль падают в землю слезами?
По прежнему ль светлый поток Иордана
В долине журчит меж горами?

И тучи, как ночь, расстилаются ль так же
Над склонами, дню в укоризну?

²¹ Саронская долина, упомянутая в Песни Песней.

О предках моих спой мне, ласточка, песню,
О павших в боях за отчизну!

Скажи мне, что теплятся древние всходы,
Моим орошённые потом;
И я расцветал на свободе когда-то,
Но вяну и гибну под гнётом.

Скажи мне, родная, о чём тебе тайно
Шептали кусты полевые?
О том ли, что грезят, раскинувшись лесом,
Шуметь, как стволы вековые?

А братья мои, что в слезах засевали,
Колосья срезают ли с пеньем?
Будь крылья, и я б полетел любоваться
Миндаля и пальмы цветеньем!

Но здесь не могу, в этом крае печальном,
Как ты, петь в весеннюю рань я,
Лишь горестный плач от меня ты услышишь,
Лишь траурный вопль и стенанья.

И что мне поведать тебе, дорогая,
В предутренний час у порога?
Что муки мои и несчастья всё те же,
Лишь стало их больше намного?

Вернись же обратно к отрогам скалистым,

Лети же к пустыням и зною!
Ведь если жилище моё не покинешь —
Рыдать будешь вместе со мною.

Но нет в бесконечных слезах утешенья,
И сердце они не излечат;
Так много страданий, что взоры тускнеют
И прежние искры не мечут.

Нет сил больше плакать, иссякли надежды,
Конца нет тоске и унынию...
Привет тебе, ласточка! Пой, дорогая!
Ликуй под весеннею синью!

Очи

Там, в тени дубов косматых,
Заблудившись в чаще,
Повстречал и я впервые
Взор её манящий.

Солнце поздними лучами
Меж ветвей светило;
Словно горсть монет бросая,
Листья золотило.

Шла в лесной тени – красива

И лицом и станом;
И закат мерцал на косах
Отблеском багряным.

Опускались блики света
И у ног мелькали;
И тогда в глазах, как звёзды,
Искры засверкали.

И она остановилась,
В тишине застыла;
Очи чёрные – два угля
Пламя охватило.

Как они сияют, Боже,
И горят, и точат!
Этот взор её волшебный,
Что сказать он хочет?

Но змеиным обернулся
Взор её оскалом;
Стал свирепым ликом кобры,
Ненасытным жалом!

Жгучий яд в меня вливает,
Жаждет моей плоти;
Сгинь же, демон! Шáддай, Шаддай²²!

²² Бог Всемогуший.

Лилит²³ на охоте!

И пропал коварный призрак!
Только с этой ночи
Всё следят, следят за мною
Очи... Ах вы, очи!

Песнь Израиля

Я Богом Всесильным не избран для брани,
Дух брани и кровь не приемлю душою;
Ни трубы, ни крики в воинственном стане —
Не саблю, а лютню ношу я с собою.

Но счастлив герой, полный доблести львиной,
И молот ему по плечу и секира;
И горе поэту, чьё сердце пустынно —
Не может глухих пробудить его лира.

Так звонкая песня Израиля стала
Тоскливым напевом страдающей плоти,
Заброшенной в плесень сырого подвала,
Гниющей и чахнувшей в смрадном болоте.

²³ В еврейской традиции и фольклоре – ночной призрак, демоница, убивающая младенцев вредящая роженицам; суккуб, соблазняющий мужчин.

Весточка

(Из изгнания брату в Сионе)

Наследство отцов, вольных пашен простор!
О, брат мой, ты счастлив в отчизне родимой!
А я, на чужбине, крадусь, словно вор,
И мёрзну в сугробах собакой гонимой.
Забытый и нищий, отринутый Богом,
Объедками сыт и обласкан кнутом...
Ты помнишь ли, брат мой, за отчим порогом,
Как горечь изгнанья мы пили вдвоём?

И вот я поныне блуждаю, как скот,
И каждый берёт мою кожу и мясо,
Но вольно пастись мне никто не даёт —
Лишь гонят бичами до смертного часа.
Кто знает, что пуст мой желудок голодный?
Что сын человеческий также и я?
Украдкой дыша, бьюсь на почве бесплодной,
Кормиться позором – вот участь моя.

А ты, ты – счастливец! Под кровлей родимой
Свободой и солнцем насыщена плоть.
Пусть трудишься тяжко – о, брат мой любимый,
Терпеть и трудиться велел нам Господь!
Не зря ты посеешь – ещё прорастут
В полях золотыми колосьями недра,

И верь – ещё факел те искры зажгут,
Что в сердце своём высекаешь ты щедро.

Твой честный посев понапрасну не сгинет,
А я на чужбине всю силу свою
Развеял по ветру, и кровь моя стынет:
Терновник достался мне в этом краю.
Все дни моей жизни отвержен и жалок,
С теньями борюсь, строю дом на песке.
Заноза в глазах у соседей – от палок
Бегу, ветхий посох сжимая в руке.

Я прежде любил своё горе, и плоть
Оправдывал сердцем, сгибаясь под нею.
Постился и плакал, учился терпеть,
И кротко под нож подставлял свою шею.
Но больше не верю я верой старинной,
Надеясь на милость, и пряча свой страх.
Мой жалкий обычай – быть жертвой безвинной
Достоин презренья и в Божьих глазах.

Нет цели в скитаньях, нет святости в них,
Нет страсти в молитве, душа оскудела.
И нет вдохновенья в стенаньях моих,
Но плачет и ноет избитое тело.
И буду уныло молить, как изгой,
И в сраме и гное стонать на чужбине;
Смывать свою кровь беспрестанной слезой
И видеть багровое небо пустыни.

Я в книгах старинных искал утешенья,
Читая сказанья и притчи, мечтал;
Но ветер подул и наваял сомненья,
Унёс мои сны, и мечты разметал.
Склони свою выю! За что? Почему?
Кто сделал меня жертвой боли и страха?
О дайте мне волю, и я подниму
Из пепла мой стяг, и руины из праха!

Ещё есть достаточно силы в руках!
Зовите на волю всю мощь, что дремала!
От хмеля колосьев расправит в полях
Сутулые плечи изгнанник усталый.
Поднимутся вновь и Кармель и Шарон,
Где детство моё молоком наливалось,
Где был на вершины мой дух вознесён,
И тело на свежем ветру не сгибалось.

Там в добрую почву ложился посев,
Бальзамом дышала вершина Левоны;
Там труб моих вольных слышав напев,
Дрожал каждым кедром Ливан потрясённый.
Где день мой весенний? Где ты, моё лето?
Твой луч почему не глядит на меня?
Увижу ли, милый, сиянье рассвета
Сквозь тучи холодные зимнего дня?

Нет, брат, здесь надежды, иссякла она.

Нет больше надежды голубке дрожащей!
В когтях ястребиных ей смерть суждена —
И взгляд мой к востоку стремится всё чаще.
И прежде чем снова мне станут понятны
Неясные грёзы – как птица в полёт,
Душа моя прянет в простор необъятный,
И сердце унылое светом зальёт.

То огненный столп, то могучая весть,
Что блещет звездою, мой путь озаряя,
То голос чудесный, что шепчет мне: есть
Надежда, о брат мой, надежда святая.
Лелей же в ожившей душе терпеливо
Ростки молодые, как всходы в степи;
Кто сеял с надеждой – пожнёт свою ниву,
Во имя Господне трудись и терпи!

«Когда увидишь, что напрасно...»

Когда увидишь, что напрасно
Я плачу, небо призывая,
Как будто о стране прекрасной,
Как будто об утрате рая.

И потому скорблю в теснине,
Что не нашёл я дол просторный —
Не сетуй, что в беде я ныне:

Была слеза моя притворной.

И если видишь, что подняться
Хочу я по свирепым кручам,
И на коне степном промчаться,
И стать властителем могучим.

И если мощь десницы Бога
Возжажду я, как камни в поле
Мои желанья – так их много,
Но все они слова, не боле.

И над толпой, всегда спешащей,
Над суетою поколенья,
Смех неба слышится всё чаще
Сквозь звуки ангельского пенья.

Но есть слеза, что наготове
В глубинах сердца я скрываю;
Я ту слезу, как сгусток крови,
С голодным воплем вырываю.

Пока не буду прочь ногою
Отброшен, словно пёс гонимый —
И кто заплачет надо мною
Из тысяч проходящих мимо?

Слез

Не сгннуть слезе моей тяжкой – мы с нею
Всегда неразлучны. Слезу ту скрываю
Я в недрах души, и храню и лелею,
И в муках рожденья из глаз изливаю.

Один я, один этой ночью бессонной,
К их чёрствым сердцам со словами укора;
Страдаю от боли, шепчу иступлённо:
Народ погибающий, племя позора...

И дни и недели слезу очищая,
Скоблю её в сердце до слоя седьмого;
И высохшим сердце моё оставляя,
Слез

И эту слезу исторгаю я в муке,
Увидев весь срам глухоты их постылой:
Проклятие вам, ибо есть у вас руки,
И можете с горем померяться силой!

Верны мои слёзы, сам Бог это знает:
Весь сгусток страданья те слёзы вместили;
И с каждой слезой, что из глаз вытекает,
Частицу души хороню я в могиле.

Но есть у меня и слеза роковая,
Зачатая гневом, рождённая в боли;
Не спит и не дремлет она, разрывая
Отчаяньем душу: Где помощь?! Доколе?!

Как гной на костях, в моём прячется теле,
Как тайный мой грех, не даёт мне покоя;
Смущает мой день, гонит сон от постели,
Как смертная тень – всюду рядом со мною.

И всё же я верю: пророк ещё встанет!
Он землю слезою великой омоет.
И громом рыданье небесное грянет,
И мир содрогнётся, и в ужасе вззоет!

На закате

Обними мои плечи, ко мне приникая,
Предвечерней порою.
И окно в необъятный простор, дорогая,
Распахнём мы с тобою.

И лишь вспыхнет сиянье волшебной зарницы
И откроется взорам,
Мы к нему устремимся, как вольные птицы
К заповедным озёрам.

Полетим и исчезнем за багряной грядой,
Словно голубь с голубкой,
Где-то в пурпурном блеске, рядом с яркой звездой
Ослепительно-хрупкой.

То миры наших грёз, золотые долины
Далеко во Вселенной;
Из-за них наша жизнь стала игом чужбины,
Стала вечной геенной.

Те миры нас манили, как во мраке изгнания
Свет отчизны желанной;
И мерцали для нас, словно в знак сострадания,
Тусклой ночью туманной.

И печально мы вянем, как ростки, чьё цветенье
Надломила неволя;
И всё ищем далёкой звезды отраженье
Среди чуждого поля.

«Посеял я вопль, и глаза мне...»

Посеял я вопль, и глаза мне
Засыпало прахом посева.
О, брат! Догорающий уголь
Остался от пламени гнева.

О, брат! Угасает тот светоч,
Что был мне источником зренья;
И где-то во мраке мерцают
Последние искры горенья.

И стал мой родник, словно язва:
Сочится он каплями гноя;
А плоть, исходящая кровью,
Коптит, остывая и ноя.

Прошлогодние стебли

Всё ещё шелестят стебли роз прошлогодних, и к сердцу
Твоему приникают.
Но взгляни, дорогая! Снова листья весеннего сада
Под лучами сверкают.

Снова вскопаны клумбы. Подожди, скоро запах цветенья
Разнесётся по саду;
Не пройдёт и весна – будет в розах весь сад, и побегов
Обовьют всю ограду.

И садовник придёт, и ряды за рядами деревья
Обойдёт, подстригая;
И зачахшие было, распрямятся стволы их, и снова
Оживут, дорогая.

Слышишь, ветер приносит, словно чудный бальзам
благовонный,
Аромат насаждений;
Так сады зацветают, и звенят каждой новой ветвью,
Сок черпая весенний.

А под вечер придёт дочь садовника, ножниц отцовских
Все следы подбирая;
И уже этой ночью на костре прошлогодние стебли
Пеплом станут, сгорая.

В летний вечер

В полночь дочери Лилит нитью лунного света
Полотно расшивают,
И одним покрывалом свинопасов убогих
И царей укрывают.

В летний вечер погожий, наполняющий парки
И людьми и цветеньем,
Вышел из дому некто, чтоб грешить понемногу,
Но с большим вожделеньем.

Нетерпением полон, поднимает глаза он,
А молитва простая:
Чтобы вспыхнули звёзды, там, на тропах небесных,
Жриц любви призывая.

Вот в саду зазвучала разудалая песня,
И весь сад встрепенулся;
Промелькнул меж деревьев край чёрной вуали,
Белый фартук взметнулся.

И как сводницы звёзды: намекают, мигают
Их глаза золотые;
И проходит дух блуда, поля овевая,
И объяв мостовые.

И доносится смех от реки, от балконов,
От оград, что далече;
И повсюду на окнах опускаются шторы,
И погашены свечи.

Тише! Сыт до отвала терпким запахом плоти,
И от похоти пьяный,
Мир лежит, задыхаясь от смрада, и тонет
В мутных струях дурмана.

В полночь дочери Лилит нитью лунного света
Полотно расшивают,
И одним покрывалом свинопасов убогих
И царей укрывают.

Пустыня сердец

Мезуза²⁴ висит у дверей ваших криво,
В пустыне сердец ваших демоны пляшут,
К тщете увлекают вас радостью лживой,
На празднестве буйном знамёнами машут.

Неведомо вам, что таится в пустыне
Отчаянье – сторож, невидимый взору.
Хранитель отвергнутой вами святыни
Метлой он прогонит глумливую свору.

Тогда огонёк ваш последний потухнет,
И встанет разбитый алтарь сиротливо,
И там, где ваш храм опозоренный рухнет —
Там кошка в руинах завоюет тоскливо.

Провидец, беги!

*И сказал Амасия Амосу: «Провидец, беги!»
Амос 7–12.*

«Беги!» – Бежать я не обучен.
Иду, как вол, со стадом вместе.

²⁴ Футляр со священным текстом на косяке двери.

Мой голос груб, язык не звучен,
И не годится он для лести.

То грех не мой, что сил не стало,
Что опустился молот гнева:
Кователь не нашёл металла,
Попал топор в гнилое древо.

И потому – роптать не стану!
Уйду, ремень стянув потуже.
Вернусь к стадам, в рассвет туманный,
Не побоюсь жары и стужи.

И дол увижу, полный песен,
И будут рощи мне желанны;
А вы – вы только тлен и плесень,
И разметут вас ураганы!

Юбилейное

Под ярмом вашей ласки
В прах душа моя пала;
Горе мне! Моё слово
Понапрасну звучало!

Для чего вы явились
В дом мой? В чём моя сила?

Не поэт, не пророк я —
Жизнь меня наделила

Ремеслом дровосека:
Я достойно трудился,
Только плечи устали,
И топор притупился.

Я батрак, я подёнщик!
Часом в вашу округу
Я забрёл, и не время
Славословить друг друга.

Как поднимем мы лица?
С чем мы выйдем на битву?
Собирайте же силы,
И творите молитву!

Народные мотивы

«Кто знал её раньше...»

Кто знал её раньше?
Кто ведал, откуда
Приманкой для взоров
Пришло это чудо?

С далёких просторов,
Смеясь и порхая,
Явилась, как птица
Из дивного края.

Резва и задорна —
Её ароматом
Дышал каждый куст
В городке небогатом.

И в роще звенели
Деревья от эха
Её молодого
Весёлого смеха.

И с новой зарёй,
прежних зорь лучезарней,
В плену у неё
Оказались все парни.

И с новой зарёй,
В тот же день, спозаранку,
С мужьями у жён
Началась перебранка.

Ограды шептались
О ней втихомолку,
И бороды старцы

Чесали без толку.

И матери долго
Томились и ждали,
Пока сыновья их
В потёмках блуждали.

И вдруг – словно сон
Оборвался чудесный:
Исчезла она,
А куда – неизвестно.

Вспорхнул соловей,
И где мог затеряться,
Об этом никто
Не сумел догадаться.

И смолкло веселье,
И в роще, в печали,
Одни лишь деревья
Ветвями качали.

Как будто ненастье
И дни и недели:
Потухли все лица,
Глаза погрузнели.

И вот уже парень
Вернулся к невесте,

И вновь дело к свадьбе,
И снова все вместе.

Сидят женихи
И зевают украдкой,
А юным девицам
Спокойно и сладко.

Ушло ликование,
И ночью безлюдной
Все матери спят
По домам беспробудно.

Всё тихо, всё чинно,
В проулках ни звука,
И мир, и отрада —
И смертная скука!

«Сидела в светлице...»

Сидела в светлице,
Косу заплетая,
Для многих – грешна,
Для немногих – святая.

«Как горько, сердечко,
Как больно в груди!

Нет рядом Рахелы —
Куда мне идти?

Пусть ваши уста
Мечут сплетни, как стрелы —
Рахела со мною,
И я для Рахелы.

Как горько, сердечко,
Как больно в груди!
Нет рядом Рахелы —
Куда мне идти?

Под вечер, как выйду
Знакомой тропой,
И нету Рахелы —
Души нет со мною.

Как горько, сердечко,
Как больно в груди!
Нет рядом Рахелы —
Куда мне идти?

Росток, колосок,
Что ты скажешь мне, спелый?
Что вместо меня
Умирает Рахела?

Как горько, сердечко,

Как больно в груди!
Нет милой Рахелы —
Куда мне идти?»

Шаул Черниковский
1875, Михайловка (Крым)
– 1943, Иерусалим

«Как ангелов хор, надо мною...»

Как ангелов хор, надо мною
Зов губ твоих слуха коснётся,
И тихой волшебной струною
В глубинах души отзовётся.

О чарах предутренней неги
Уже зазвенели ветвистых
Стволов-исполинов побеги,
И воды в ущельях скалистых.

Но сердце об этом не знает.
Охвачено юным стремленьем,
Само оно мир наполняет
Раздольным и радостным пеньем.

Слова, будто струи потока,
Блестят переливами света,
А рифмы таятся до срока:
Мерцают и прячутся где-то.

Татарская песня²⁵

Под вечер, когда потемнеет
Над морем дневной небосклон,
И ветер душистый навевает
Степному раkitнику сон,

В предгорье, где бродят отары,
Ко мне приходи! Я одна.
Уже задремали чинары,
Взошла над долиной луна.

В чарующем сумраке рядом
Поёт и поёт соловей.
Отец мой сегодня со стадом
Ушёл на Яйлу. Поскорей

Ко мне приходи! Я красива,
Смугла и свежа, и стройна.
Белы мои зубы на диво,
Вздывается грудь, как волна.

²⁵ Крымско-татарская.

Не гаснет, пускай на мгновенье,
В глазах моих пламя. Я вся —
Желанье и страсть, и томленье!
Спеши! Уж рассвет занялся!

Песнь любви

Я песню любви, песнь томленья весной
Тебе подарил, и в цветенье
Садов ароматных Алушты ночной
Твоё я увидел смущенье.

Стояла на море в тот час тишина,
Сияла полночная Вега,
Волшебный покров расстилала луна,
И волны устали от бега.

И ты услышала, как песня моя
Из уст полилась без усилий
Под шелест ветвей, под журчанье ручья,
Под шёпот недремлющих лилий.

И вторил той песне проснувшийся Понт,
На скалы бросаясь лавиной,
И ветер в горах, и ночной горизонт,
И звонкий напев соловьиный.

Но взор отвела ты, и словно погас
Ток юной стремительной крови;
И песня моя, что едва началась,
Закончилась на полуслове.

Я снова тебе эту песню спою,
Краса моя – пусть не остудит
Молчанье унылое душу твою,
Пусть кровь твою песня разбудит!

Разбудит любовь, и опять соловьи
Ответят нам пеньем на пенье;
Зардеются щёки, и груди твои
Поднимутся в страстном волненье!

Дочь рабби

Гуляет казацкое войско – погром
Для города Дубно не внове;
Нагрянули тучей, прошли, словно гром,
Походные торбы набили добром —
Пьяны от вина и от крови.
«Эй, крали!» – зовут: «Подходите! Сейчас
В шелка разодею заморские вас!»

С добычей богатой ещё со вчера

Телеги стоят на майдане.
Атлас там и бархат, а рядом гора
Субботних подсвечников из серебра,
И жемчуг и кольца, и ткани.
Там гогот весёлый царит над толпой,
Но где атаман, атаман молодой?..

Сегодня ему не добыча нужна,
Не брага, не пьяные речи,
Но брови, как бархат, но очи без дна,
Атласные груди, лица белизна,
И нежные девичьи плечи.
Хмельнее, чем сладкие вина,
Уста этой дочки раввина.

Она в своей комнате, страх затая,
Глядит на кафтан атамана:
«К тебе прикипел я, красотка моя,
С той самой поры, как холопом был я
В имении здешнего пана!
Я мчался сюда, не жалея коней,
Чтоб стала ты, краля, женою моей!

Не зря пощадил я твою красоту!
Назавтра, в той церкви над гаем²⁶,
Когда прикоснёшься к святому кресту,
Наброшу тебе я на косы фату,
И свадьбу с тобою сыграем!

²⁶ Небольшая роща, лесок.

Наденешь шелка, золотую парчу,
Сто шаферов будут! Мне всё по плечу!» —

«Казак! Твоя сабля меня не страшит!
Всегда, если буду с тобою,
Убитую мать мне напомнит твой вид,
Напомнит отца мне, который лежит
С пробитой насквозь головою.
Не жди, что в одеждах пройду золотых
По трупам растерзанных братьев моих!» —

«Ну что же, как знаешь!» — И парень встаёт,
Стремительно к девушке прянув:
«Подумай ещё! Мы уходим в поход
На Умань: туда польский гетман ведёт
Стреляющих метко уланов.
И если не встретится пуля со мной,
Клянусь тебе: станешь моею женой!» —

«Коль так, то смелее садись на коня,
И мчись, изготовившись к бою.
От пуль заклинание есть у меня,
Хочу, чтобы жизнь твою в битве храня,
Всегда оно было с тобою.
Смеёшься? Не веришь? Попробуй! Узнай!
Прицелься в меня и не бойся! Стреляй!»

И вытащил он пистолет свой, огнём
Готовый разить... Серебрится

Его рукоять, пуля верная в нём —
И встала дочь рабби в проёме дверном:
«К мезузе хочу прислониться!»
И выстрел, и грохот — должно быть, рука
Нечаянно дрогнула у казака...

Её на постель положил атаман,
И, глядя на мёртвое тело,
Подумал: «Что было здесь: чары, дурман?
Она говорила, что есть талисман,
Но, видно, лишь смерти хотела» —
И слёз не скрывая, шагнул за порог:
«Жидовка шальная! Прости её, Бог!»

В Эйн Доре

*И сказал Шаул (Саул) слугам своим: сыщите
мне женищину, вызывающую мёртвых, и я пойду и
спрошу её. И сказали ему слуги его: вот женищина-
волишебница есть в Эйн Доре.
Шмуэль-1(1-я Царств), 28–7.*

В Эйн Дор царь Шаул без колчана и лука
Примчался со свитой. В проулках ни звука.

«Вон там, где мерцанье свечи промелькнуло,
Жилище её» — шепчет отрок Шаулу.

«Не ты ль чародейка? Веление рока
Узнать я хочу у Шмуэля-пророка!»

Мрак, адский огонь и котёл раскалённый,
И духов колдунья зовёт поимённо.

Плывут клочья дыма, во мраке белея,
Ползут над котлом, извиваясь, как змеи.

Вот круг видит царь, и он сам в этом круге.
И замерло сердце в тоске и в испуге.

Исчадия бездны, туман испарений.
Ликуют и пляшут багровые тени.

В смятенье душа, и в ночной круговерти
Всё ближе и ближе дыхание смерти.

И молит Шаул колдовские виденья:
«Оставьте меня, ибо сам словно тень я!»

Мрак, адский огонь и утроба могилы.
Хохочут и бесятся адские силы.

И вспомнил он Геву²⁷ и милые взору
Волшебные дали родного простора.

²⁷ Родное селение Шаула.

И зелень холмов перед ним и равнина —
Край пастбищ раздольных, страна Биньямина²⁸!

Лазурь поднебесья, тенистые кущи,
Колосья и травы долины цветущей,

Где сон видит пахарь под сенью густою,
И пляшут волы, проходя бороздою.

Там прелесть и мир, там покой и отрада!
Как любы душе колокольчики стада! —

«Я счастлив, как прежде, я снова спокоен,
Я сын этой нивы – не царь и не воин!»

А ночь вороное крыло распростёрла,
Грудь давит тоскою, рыданием – горло.

Вдруг свет – будто светит луна в полнолуние,
И голос раздался в жилище колдуньи:

«Царём тебя сделала воля Господня,
Но место твоё – быть с волами сегодня!

Зачем ты мой дух потревожил в Шеоле²⁹,
Заставив подняться к живым поневоле?!

²⁸ Удел колена (племени) Биньямина в древнем Израиле.

²⁹ Обитель мёртвых.

Позарился, царь, ты на шкуру воловью,
И меч не омыл свой Агаговой³⁰ кровью!» —

«Свой меч притупил я в сраженьях, и ныне
Вот, в рубище я, как отшельник в пустыне.

Ликут враги: их веселью порука
Души моей сумрачной тяжкая мука.

Пророк, я хочу услышать предсказанье!
Разгневан Господь! Каково наказание?!» —

«Ты меч не омыл свой Агаговой кровью!
Позарился, царь, ты на шкуру воловью!»

За это в сражение не выступишь боле,
И завтра же будешь со мною в Шеоле!»³¹

Под утро, не слыша копытного стука,
Назад скачет царь без колчана и лука.

В глазах стынет ужас — на саван похожа
Лица неподвижного бледная кожа.

³⁰ Агаг — царь Амалека: Шмуэль-1 (1-я Царств), 15.

³¹ В священной войне с Амалеком Шаул не имел права брать добычу и щадить царя Агага.

Емшан³²

Коль падает беркут в долину, крылом
Вершину горы задевая,
Не кинется разве несчётным числом
В ущелье родное, в скалистый пролом
Воронья крикливая стая?

Коль барс грозно мчится, рыча на бегу,
И путь преграждая добыче,
Род волчий, устроивший пир на лугу,
Не бросится ль прочь, оставляя врагу,
Куски уже пойманной дичи?

Как беркут, Владимир пронзил небосклон,
Как барс, вольной степью промчался;
Сырчан, половецкий царевич, на Дон
Бежал – и в горах, у абхазских племён,
Отрбк, брат его, оказался.

Сырчан в плавнях Дона, как рыба, затих,
Но звона мечей вожделеет.
Он утром коней объезжает степных,
Днём птиц поражает, зверей полевых,
А ночью – план мести лелеет.

³² Тюркское название полыни. На тот же сюжет и под тем же названием существует известное стихотворение Аполлона Майкова.

У славных абхазов царём стал Отрок.
Он время проводит в веселье:
Пьёт сладкие вина, охотится впрок,
Гарем его полон, сатрапы у ног,
И пляски и пир и похмелье.

И минули дни, пробежали года —
Всё так же Сырчан осторожен.
Вдруг весть разнеслась: закатилась звезда
Владимира-князя – уже никогда
Не вытащит меч он из ножен.

Услышал Сырчан, и верблюдов и скот
Повёл он к днепровским порогам,
К курганам князей половецких, и вот
Пустая равнина глазам предстаёт,
А брат – за Кавказским отрогом.

Гонцов он к Отроку послал, и они
С таким возвратились ответом:
«Охоте в горах посвящает он дни,
А ночи – пирам, и, о хан, не вини! —
Абхазьянкам полуодетым».

И Ора призвал, песнопевца, Сырчан:
«Так скажешь Отроку: «Без страха,
О, брат, поднимись, снаряди караван,
И в степь возвращайся, в отеческий стан,

Ведь нету уже Мономаха».

И если ответит на это Отрок:

«Милее, чем зовы Сырчана
Мне край благодатный, простёртый у ног,
Спой песню и брось ему этот пучок
Травы нашей пряной – емшана...»

Промолвил Отрок, глядя Ору в глаза:

«Не пленник я прежних обетов.
Коль хочешь – так пой! Даже если слеза
Прожжёт мои очи, то знай, что лоза
И девы сильнее поэтов».

Взял лютню певец, и напевы степей,
Как грохот копыт, зазвучали,
Как шум боевой тех торжественных дней,
Когда половецких заслышав коней,
Славянские земли дрожали.

Отрок не внимает. Ор снова поёт
Ту песню тоски и томленья,
Которую пели, ведя хоровод,
У вод лебединых встречая восход,
Красавиц степных поколенья.

Свой кубок Отрок поднимает, а Ор
Уж новую песнь запекает,
Что матери детям поют, если с гор

Срывается буря, колебля шатёр,
И дико в степи завывает.

И взор опускает Отрок, и царя
Лицо застывает в смятенье.
Но пляшут наложницы, скоро заря,
И ликом светлеет Отрок, говоря:
«Исполнил, певец, порученье?»

«Исполнил!» – бледнеет певец и встаёт,
И, лютню оставив, емшана
С последней надеждой пучок достаёт,
И вытянув руку, бросает вперёд,
В лицо непокорного хана...

На горной тропе предрассветный туман,
Но дом уже виден, далёкий.
Отрок осторожно ведёт караван,
К лицу прижимая душистый емшан,
И слёзы стекают на щёки.

Первые мертвецы³³

³³ В эпоху «Чёрной смерти» на евреев указывали как на причину бедствия. В этих условиях главным было физическое выживание еврейских общин, но Черниковский, воспевавший в своём творчестве силу духа и героизм, порицает еврейское малодушие.

Он здесь, он здесь! Явился он —
Великий мор людской! —
Вещает колокольный звон
На башне городской.

Он здесь, он здесь! Он у ворот,
Могуч, неумолим!
Лачуги и дома господ
Открыты перед ним.

Он здесь! Снимает урожай!
Его ужасен след!
Наверно, вымрет скоро край,
А в гетто мёртвых нет!

По городам, по деревням
Смятенье, плач и стон.
Здесь правит смерть! Лишь в гетто — там
Не видно похорон.

Вещает колокол, гудит:
Сто мёртвых ночью! Сто!
И только в гетто — чернь твердит —
Не заболел никто.

Что скажут рыцарь и монах
В ответ на глас молвы?
Мрачнеют лица. В гетто — страх
От шороха листвы.

Дрожат и ждут... Судьба лиха...
Вдруг радость: наконец
Есть двое мёртвых! Ха-ха-ха!
Благословен Творец!

И осторожно, не спеша,
С весёлым блеском глаз,
«Хевра́» шагает «кадиша́»³⁴
Глядите, смерть у нас!

Не торговать, не на базар,
Не удивлять купцов —
Везут, как редкостный товар,
Двух новых мертвецов.

Вчера поднять не смели взор,
И вот — благая весть!
Смотрите все: великий мор
Теперь и в гетто есть!

Но жалко, нет колоколов,
И башен нет у нас.
И возглашает, петь готов:
«Есть в гетто смерть!» — Парнас³⁵!

³⁴ «Хевра кадиша» — еврейское похоронное братство.

³⁵ Глава еврейской общины.

Ури-Нисан Гнесин
1879, Стародуб (Россия) – 1913, Варшава

«В час заката, в час молчанья...»

В час заката, в час молчанья
Незаметно роща плачет —
О голубке так рыдания
Сердце горестное прячет.

Что ты, роща, лик склонила,
И в тоске осенней вянешь?
Сердце, что стучишь уныло,
И больную душу ранишь?

Шепчет роща: «Отшумела
Я зелёною листвою,
А голубка улетела,
Сердце взяв твоё с собою».

Элегия

Нет, не пасмурного солнца

Еле светит луч, мерцая —
То в моём напеве искра
Угасает золотая.

Ибо ложному кумиру
Я поверил в час сомнений.
И ему слагал я гимны,
Преклонив пред ним колени.

И казалось — даже в скорби
Я кумира не отрину.
Но пропала вера эта,
Словно канула в пучину.

Рухнул идол мой могучий,
Богом бывший мне когда-то,
И теперь между собою
В бой вступили бесенята.

Чтобы мой оплот последний —
Душу полную смятенья,
Превратить в свою добычу,
И терзать без сожаленья.

Нет, не пасмурного солнца
Еле светит луч, мерцая —
То в пустыне мёртвой гаснет
Искра жизни золотая.

«Страстью томим, в одиночестве...»

Страстью томим, в одиночестве

Гасну я день ото дня...

Что же стыдишься ты, милая?

Или не любишь меня?

Или всё ждёшь, пока сбудется

Сна золотого обман?

Бога живого заменит ли

Идол – литой истукан?

Так не стыдись же, любимая!

Дай мне ладонь, и вдвоём

Мы на руинах покинутых

Храм наш с тобой возведём!

Яков Фихман
1881, Бельцы (Бессарабия)
– 1958, Тель-Авив

Она одна

Она одна красою незаметной
Сияет мне, неяркий свет тая
Любви безмолвной, но не безответной:
К ней отовсюду мчится кровь моя.

Да, дни пройдут её поры расцветной,
Да, смоем прелесть времени струя;
И золотистый взор и лик заветный —
Их скроют ночи зыбкие края.

Но не померкнет прежнее сиянье
В моей душе, и сердце, как птенец,
Увидев мир впервые, запоёт.

И изольёт на нас очарованье
И нежность грусти солнечный венец,
Закатом озаря небосвод.

Год без тебя

Год без тебя. Ты дремлешь там, в могиле.
И ты не можешь знать в своей глуши,
Что слёзы мир морщинами покрыли,
И не найти в нём места для души.

Год. Снова осень сумрачною скрипкой
Звучит над морем, гонит облака

Куда-то вдаль, над хмурой глубио зыбкой,
И будит песнь – но песнь моя горька.

О, если б ты могла узнать во мраке,
Что помню я твой облик, как живой, —
Созвездья расцвели бы в зодиаке
От нежных слов, не сказанных тобой.

Недолго длится краткий день осенний,
И дней весенних слишком мал букет,
Чтобы плоды дозрели – и сквозь тени
От сердца к сердцу не проходит свет.

Я вспомню всё. И пусть мне тускло светит
Моя свеча – но в сердце торжество.
Я позову тебя, и мне ответит
Шуршанье платья – платья твоего.

И в полночь, озарённый звездопадом,
Душой приникну к твоему огню;
И вспомню я, что ты все годы рядом
Была со мной – и слёз не пророню!

Шуламит³⁶

Ты – Шуламит! Голубка молодая!

³⁶ На сюжет Песни Песней.

Одна в саду забыта, и в тоске
Душистый мёд лесистых гор вдыхая,
О друге гредишь в каждом уголке.

Твой гнев пылает, братьев догоняя,
А те смеются, скрывшись вдалеке;
И ранит мир краса твоя, сверкая,
Как острый меч в протянутой руке.

День опалил твой лик, созрела мгла
В тени твоих грудей, и ночь легла,
И пряный аромат в саду расцвёл.

Как до сих пор не встретился с тобой
В горах твой друг?! Ведь зов весенний твой
Всю землю Иудеи обошёл!

Рахель
(Рая Блувштейн) 1890,
Саратов – 1931, Тель-Авив

Предвестник

Предвестник мрачный приходил
Ко мне в полночный час:

Скелет без мяса и без жил,
С глазницами без глаз.

И знала я уже тогда,
Что рухнул мост времён,
Что с прошлым больше никогда
Меня не свяжет он.

Худой кулак узрела я,
Раздался адский смех:
Да будет эта песнь твоя
Последнею из всех!

Праматери Рахели

Рахель, твоя кровь в моей,
Твой голос зовёт,
Пасёшь ли Лавана³⁷ скот,
Скорбишь ли, Мать матерей.

Уйду я из дома вдаль,
И станет мне крышей синь
В краю, где ветры пустынь
Твою развевали шаль.

Прямее нет колеи,

³⁷ Библейский персонаж, отец праматери Рахели.

Не смолкла твоя свирель!
Как шла по песку Рахель,
Так ноги идут мои!

Ури Цви Гинберг
1896, Бялый Камень
(Галиция) – 1981, Тель-Авив

Из цикла «Песнь сынов Кораха³⁸»

«Песнь сынов Кораха у зияющей бездны...»

Песнь сынов Кораха у зияющей бездны.
Беспечный пикник от пустыни до моря.
А бойцы между тем изнывают от скуки...

³⁸ Традиция говорит, что сыновья знатного левита Кораха (в русской традиции – Корея), возглавившего бунт против Моисея: Ваикра (Числа), 16, в последнюю минуту раскаялись, избежав падения в бездну. Гринберг сравнивает руководство еврейского национального очага в Стране Израиля (20-е гг. прошлого столетия) с сыновьями Кораха, но есть разница: в отличие от библейских, современные поэты сыновья Кораха не видят, что находятся на краю пропасти. Еврейская традиция утверждает, что сыновья Кораха стали праведными людьми, и несколько псалмов Давида начинаются словами «Песнь сынов Кораха». Но здесь в названии – ирония Гринберга.

Не предвестника здесь, а алхимика ждут,
превращающего в серебро
даже раковины в песке:
деньги, деньги нужны!

Песнь сынов Кораха...

Пропать видна...

Почему ты молчишь, поэт и пророк?

Ведь в час, когда у порога отчизны
опасность стоит, по-разному бьются
сердца говорящих на одном языке —
потому что провиденья нет.

И ты сынам Кораха слова не скажешь,
или нет у тебя топора, чтобы гниль сокрушить?
Несчастливы они, потому что не видят
беду, как не видят глазами затылок.
Открой я уста — должны мои речи
струиться, как кровь, из открывшейся раны.
Должны быть подобны львиному рыку
и молоту, бьющему по наковальне.
Иначе награда мне — только насмешка!
Уж лучше я вставлю в рот свою трубку,
зажму её крепко между зубами,
и буду курить и молчать.

«И в долгом молчанье, курящемся дымом из уст...»

И в долгом молчанье, курящемся дымом из уст,
жжёт совесть бессонная сердце моё.
Так солнце горит сквозь туман, озарив окоём,
И это – как Облачный Столп³⁹ и сияние Пламени в нём.

И знаю я то, что судьба моих слов
подобна судьбе наковальни, безгласной, пока
молот не занесён,
пока отдыхает кователь: с прокуренной трубкой во рту
сидит у порога Времён...

«На судьбу моих неслышанных слов...»

На судьбу моих неслышанных слов,
как на сталь наковальни, склоняю главу,
и, как молот она,
раскалённый и тяжкий, лежит.
Где-то цокот копыт: в тишине
слышу медленный шаг коней.
Эти кони недавно в бой
гордых всадников смело несли...

³⁹ Облако, шедшее перед еврейским станом в пустыне. Бамидбар (Числа), 9:17.

А теперь – не мчатся они,
ковыляя, по рынку идут,
ибо нет на копытах подков.
Кони армии, поражённой в бою,
так приходят домой: на них
только сёдла...
Поводья висят,
и ноги коней без подков...
И я слышу медленный шаг
неподкованных конских ног,
а в кузнице – тишина.

«И штаб сынов Кораха есть, а в нём...»

И штаб сынов Кораха есть, а в нём
чёрный стол, покрытый сукном:
кусок зелёной выцветшей ткани
лежит на столе, как повязка на ране.

И всё по-прежнему в этом стане:

Та же пустыня, как в дни Синая!
Козни те же, как в дни Синая!
И те же глаза глядят из глазниц,
Но лика Моше⁴⁰ нет среди лиц!
Здесь соблазняют народ тщетой,

⁴⁰ Моисея.

обманом красивым, речью пустой...

А идол тот же – телец золотой.

«Но скупая британская почта в Сионе...»

Но скупая британская почта в Сионе —
она только мелкие суммы приносит:
пятьдесят тысяч,
сто,
а счастливая весть
о том, что надежды сбылись и расчёты,
и деньги евреи шлют из-за моря,
не приходит к потомству Кораха с почтой...
И трудно сдержать им свою печаль,
своё раздраженье и гнев...

Потому что сто тысяч – это капля.
Нужно больше, намного больше:
миллион хотя бы, но каждый месяц.
И будут тогда сыны Кораха кастой —
ваятелями тельца золотого;
и пожелтеют глаза смотрящих,
когда им скажут: «Вот бог твой, Израиль!
Умножишься и утучнеешь скоро!»
И ослепит их блестящий идол:
оставят они и забудут Бога,

и голову позабудут и сердце.
Благословят они щедрость рук,
которые им каждый день дают,
как будто в дар, их воловий труд...

«Я молод, и, как задира, горяч...»

Я молод, и, как задира, горяч,
и если б рождён был в своей стране —
волочиться за юбками и кутить,
как многим поэтам, пристало бы мне.

Пылает кровь, как зажжённая нефть,
когда от вина веселье в сердцах,
но скалам родины нашей нужны
тоска вековая и кожа в рубцах.

От Ибн-Гвириля⁴¹ и до меня
мудрости горы, пайтанов⁴² ряд;
а у меня – шершавый стих
поэта, которому родина – яд.

Сынам Кораха песнь: радость у них!

⁴¹ В русском произношении – Габироль; выдающийся еврейский поэт и философ средневековой Испании.

⁴² Авторы литургических произведений.

Из цикла «Дворовый пёс»⁴³

«А вы удивляетесь: где мой пыл...»

А вы удивляетесь: где мой пыл?
Почему не скачет горячий конь? —
Устал наездник, сошёл с коня...
Если нет в идее отчизны огня —
гаснет и мой огонь.
Печаль моих братьев гнетёт меня,
поэтому я коня осадил,
на плечи груз мечты возложил,
и, словно в гору, бреду без сил...
А сейчас послушайте повесть о том,
как человек становится псом.

«И вот, изнемог я среди умудрённых...»

И вот, изнемог я среди умудрённых,
изрекая много красивых фраз,

⁴³ Этот цикл был написан по следам жестоких нападений арабов на еврейские поселения в Стране Израиля осенью 1929 года. Нерешительность, проявленная официальным еврейским руководством, заставила поэта примкнуть к радикальным еврейским организациям (подробнее в послесловии «Разорванный талес Ури Цви Гринберга»).

ткать покрывало для прокажённых,
чтоб язвы их гнойные скрыть от глаз.
Чтобы с трибун, довольны собой,
они могли говорить с толпой.

И я, оглушённый их слов раскатом,
сказал: притупилось моё перо;
я буду скоро, живым экспонатом,
блестеть, как музейное серебро.

Мой дед показал бы спину лукавым:
мой дед не лоточником был, а равом⁴⁴.
И для меня великая честь,
как дед мой порою, хлеб с солью есть.

«И снова день: вокруг Тель-Авив...»

И снова день: вокруг Тель-Авив,
а у меня – овечий испуг
того, кто видит не сочный луг,
а улиц и переулков разлив.

И даже язык молитвы и грёз,
язык отцов меня утомил:
весь город этот ко мне подступил,
навис и давит, словно утёс.

⁴⁴ Раввином.

Куда бежать? Бреду, как изгой:
вот банк стоит, а рядом – другой...
Страна моя, родина скал и теснин!
Тут море простёрлось, там – магазин,
и я, неприкаянный, здесь один.

«И вот спускается вечер: в небе...»

И вот спускается вечер: в небе
сияет Давидова царства слава.
А здесь, на родине, как на чужбине,
шаги – как будто Девятого ава⁴⁵.

В харчевню я принёс своё тело:
овцу, на которой штаны и рубаха,
и ел, и тусклая лампа мигала,
как человек, дрожащий от страха.

И бедность и тайну, и труд сидящих
за трапезой – из своего закутка
познал я, движенья их рук увидев,
когда утих во мне голос желудка.

Там Реувен говорил Шимону:
«Электростанция эта – чудо!

⁴⁵ День национального траура в память о разрушении Иерусалимского Храма.

Вспять потечёт поток Иордана,
и перед Ярмуком⁴⁶ встанет запруда.

А в Наараим⁴⁷ – обед буржуйский,
и деньги есть, но вот незадача:
утром выходишь, как бык на пашню,
а вечером – валишься с ног, как кляча...
Но ничего...
Скоро будет иначе!»

«И когда я, насытившись, вышел – в спину...»

И когда я, насытившись, вышел – в спину
упёрлась рогами корова хамсина⁴⁸,
луной озарила меня златокожей,
и ночью еврейской глубинной дрожи...

О, родина! Край холмов и долин!
Несу твоё бремя, несу один.

Есть ли дом у пса? Где ночлег обрету?
Голова моя тяжкая виснет с плеч.
Как жёваная полынь – во рту
пророка горькая речь.

⁴⁶ Приток Иордана.

⁴⁷ Местность, где строилась первая в Стране Израиля электростанция.

⁴⁸ Сухой и жаркий ветер.

«И все мои думы теперь о Геве...»

И все мои думы теперь о Геве⁴⁹
на всех перепутьях моих кочевий
от Дана до Беэр-Шевы⁵⁰...
На плечи
мне череп давит...
Шерстью овечьей
хотел я для скорбной родины стать,
и слёзы всех плачущих здесь впитать.

И вот – не нашёл я порог ничей,
не высушил слёзы их очей.
Но ямкой для гольфа в играх чужих
стал я в дни Санбалатов⁵¹ моих,
когда их тайных речей немало
в моих ушах, как в трубке, звучало!

⁴⁹ Еврейская коммуна (кибуц), подвергшаяся жестоким нападениям арабов в конце 20-х гг.

⁵⁰ От севера до юга.

⁵¹ Санбалат (Санаваллат) – персидский наместник Самарии, территории бывшего Израильского царства, мешавший восстановлению Иерусалимского Храма (V в. до н. э).

«Должны грядущего Царства посевы...»

Должны грядущего Царства посевы
Взойти от Дана до Беэр-Шевы;
но пока не пришёл ещё Бен-Давид⁵²,
лавка здесь вместо Царства стоит.

Здесь дом для дельцов, надёжные стены
для лстивых, а тот, кто ждёт неизменно
Мессию, страстно веря пророкам,
да сгинет он там, в изгнание далёком!
В своей отчизне – ублюдок он!
Святой – тот в могиле давно погребён.
Зачем им взъерошенный пёс живой? —
Им нужен гладкий, ласковый, свой,
наводящий глянец, знающий сам,
когда подставить спину вождям.

Хлеб вроде фарша мясного тут —
весь этот хлеб Санбалаты жрут,
другим оставляя крохи и труд...

А ты, провидец, правду скажи:
«Страна отцов пропадает во лжи!»

⁵² Мессия.

«Но глух, как змей – только зубы скалит...»

Но глух, как змей – только зубы скалит
мой враг, и не в пятку, а в душу жалит.
Изумрудом фальшивым слово блесит —
оно о мести не возвестит,
потому что сломал копьё моё Тит⁵³.

А так как труб здесь в жилищах нет —
не вьётся души сгорающей дым
под этим скорбным небом пустым...
А так как жалюзи прячут свет —
в прикрытых окнах не виден тут,
даже как в озере месяц – плут.

«И было: когда я закончил речь...»

И было: когда я закончил речь,
и народ не встал и не взялся за меч —
овечьему цену узнав поголовью,
я понял тогда, как плачут кровью.

⁵³ Разрушитель Иерусалимского Храма (I в. н. э.).

«И вот, впитал в себя горечь я...»

И вот, впитал в себя горечь я
от чёрных туфель до головы,
сказав: такова отчизна моя —
страна, где овцами стали львы.

Меня донимали холод и жар,
и в полдень была в моём сердце мгла.
От родины как отвести удар?
Несчастьям скоро не будет числа.

Горящей лавы идёт поток,
а братья и сёстры мои спуют:
пламя не видят у самых ног,
и муть из Бездны Великой⁵⁴ пьют.

«И вот, наглотавшись в Ишuve пыли...»

И вот, наглотавшись в Ишuve⁵⁵ пыли,
подумал я о вождях моих:
не верой, не чарами их прельстили —

⁵⁴ В Каббале и еврейских сказаниях – обиталище демонов.

⁵⁵ Еврейское национальное образование в Палестине до создания государства Израиль.

есть что-то скотское в мыслях у них.

Победные им не нужны знамёна,
зато в достатке еда и кров
нужны для стада: клетки загона,
в которых станут кормить быков.
И я сказал себе удручённо:
Уйми свой гнев – и на этот раз
Царь не придёт: его корона
ждёт, пока Царства настанет час.
Но будет день – Санбалаты падут,
и крепкие духом корабль поведут,
и флаги украсят мачты его...

А я, пока не пришло торжество,
к земле прильну устами и лбом,
как делал Ехезкель⁵⁶ в народе моём.

«И вот я стал, словно пёс немой...»

И вот я стал, словно пёс немой,
и во дворе и в доме – немой.
Я крови своей велел, без слов,
жар поглотить угасающий мой,
как поглощает земля мертвецов.
И дни мои стали – с чем их сравнить? —

⁵⁶ Пророк Иезекииль.

Ушком, куда не пролезет нить...

И ждали плоды моих лет, что в бездну
я грудою сброшу их бесполезной.

«И был охвачен Ишув тоской...»

И был охвачен Ишув тоской,
когда случилось это со мной,
не оттого, что пророк немой,
и флот погребён в пучине морской,
и груз и команда смыты волной —
а потому что денег нет,
и золота не добавит поэт.

И вот, не сказав по прежнему слова,
глядел я на это взглядом немого...
Тому, кто жаждет сдобную халу,
и корки не будет — лишь слёз немало!

«Проходят дни от зари до зари...»

Проходят дни от зари до зари:
снаружи — блеск, и сумрак — внутри.
Но плача нет, только горечь сполна
в крови у каждого — и тишина.

Горит страна...
Не дали отпор...
Ружья свои побросали в костёр...
Над бездной висят, как висели века,
и блеют...
Светло, не видны облака.
Как знать, почему? – Тихо пока!

«И вот, когда подлость стала всё чаще...»

И вот, когда подлость стала всё чаще
владеть моей родиной, я ощутил
руку свою живой и дрожащей,
но совладать не в силах я был
с болью моей – самой мощной из сил.

И если на площадь окно распахну,
на лице врага смогу ли прочесть я,
что это тот, кто предал страну:
ходячий образ лжи и бесчестья?
Ведь нет клейма никакого на нём,
и нет меча: никакого злодейства!
Мужчина беременный, с животом,
он сам – и толстое всё семейство.
И хотя у дверей толпится свита —
на лице его унынье разлито

и ответ конца...

Найдётся ль крыло,
чтобы тяжесть эту, в штанах, подняло,
и вместе с хозяйством прочь унесло?..
И пусть обладатель мышинной души
вдали от страны прозябает в глуши.

«И вот, не сумел я гнев побороть...»

И вот, не сумел я гнев побороть.
Кипела кровь...
Я на площадь смотрел,
и отражался, вонзаясь в плоть,
мой взгляд и ранил большее стрел.
Я в кровь свою окунался – горел.
Что нам дороже, чем эта страна?
У нас на глазах уходит она
не солнцем вечерним: как корабли,
наша страна исчезает вдали.

«И в сердце своём я сказал себе так...»

И в сердце своём я сказал себе так:
Гони того, кто всему виной
с площади этой! Ибо твой враг:

Кдарлабмер⁵⁷ – никто иной.

«И вот, умолк я на полуслове...»

И вот, умолк я на полуслове,
и был, как Авель, вставший из крови
врагу отомстить – Каину-брату:
сказать ему, что пришла расплата.
Вышел на площадь, на дом посмотрел,
и стал я, в гневе, стучать в ворота:
Кдарлабмер здесь днями жирел,
здесь млел он, толстый, лоснясь от пота!
Кричал я ему: «Война, война!»
От криков моих дрожала стена.
Вышел он, услышав о войне,
и, как бедуин, улыбнулся мне:
«Зачем война? Лучше союз.
Нет выгоды в бунте. Оставим споры.
Разве для мира и братских уз
нужен забытый меч Бар Гиоры⁵⁸?
Лучше Заккай⁵⁹ и ученье его...»

⁵⁷ Кдарлаомер (Кедорлаомер) – царь Элама в Месопотамии, вторгшийся в коалиции с другими месопотамскими князьями в пределы Палестины (Ханаана), и побеждённый Авраамом: Береишит (Бытие), 14.

⁵⁸ Один из вождей Великого восстания иудеев против Рима (66–73 гг. н. э.).

⁵⁹ Иоханан Бен-Заккай – выдающийся религиозный авторитет, занимавший примирительную позицию по отношению к Риму.

Потому – не изменится здесь ничего.

«И вот, повеял от этих слов...»

И вот, повеял от этих слов,
как от проказы, запах распада.
Но говоривший не был суров,
чтобы слышали все, кому надо,
голос пастыря, чьё богатство —
благо паствы своей и братство...

И вот, тяжёлый гнилостный дух
у этих ворот почуял мой нюх,
но в горле зажал я желчи комок,
и в собеседника плюнуть не смог.
Вкрадчиво он говорил со мной,
и в страхе, как будто я волк лесной...

И я повернулся к нему спиной.

«А горечь бессилья и вдовьих слёз...»

А горечь бессилья и вдовьих слёз,
как коршун, вьётся над нашим краем.
Разве я волк? Я дворовый пёс,
который будит уснувших лаем.

«То, что не видно глазу...»

То, что не видно глазу,
и даже лопатой не взрыто,
пёс обнаружит сразу:
то, что в пыли вторую
тысячу лет укрыто.
Поэтому он скулит,
и землю роет, тоскуя,
прислушиваясь и чуя,
потому что у пса – болит.
И будет месить он грязь
в том месте, где кровь лилась.

А тот, в чьей правде прорехи,
сидит в своём уголке:
домашний халат – доспехи,
перо – словно меч в руке...
Плетёт он крепкую сеть
для рыб речных постоянно.
Искоса любит смотреть
на всех, подобно баклану...
И воет, ощерившись весь,
пёс:
ангел смерти здесь!

«Лучше буду родные стены...»

Лучше буду родные стены,
словно преданный пёс беречь,
даже если, благословенный,
станет дождь мою спину сечь!

Лучше буду, фальшь отвергая,
неуёмным пророком-псом
волноваться, рыча и лая,
и родной будоражить дом,
чем стеречь, хотя бы минуту,
удручённых евреев галута⁶⁰!

Лучше буду снова и снова
спящих братьев лаем будить,
чем в тени креста золотого
среди римских дворцов бродить!

Лучше буду я псом в Сионе,
в этой бедной стране больной,
где сидит Самаэль⁶¹ на троне,
и народ ему служит мой.

Тут моё пророчество взвесят,

⁶⁰ Галут – рассеяние, изгнание.

⁶¹ Правитель Геинома (Геенны) – ангел смерти.

как товар на базаре, тут
вместе с истиной ложь замесят,
тут камнями насмешек бьют.
Ибо жив в Сионе лукавый
дух Бердичева и Варшавы⁶².

Но когда страна на изломе,
сердце родины – как утёс...
Не пророк я здесь, в моём доме —
я всего лишь дворовый пёс.

«Что делаю я в низине?...»

Что делаю я в низине? —
Надеюсь найти случайно
зародыш чуда в долине,
куста горящего⁶³ тайну?

Что делаю я под оливой
в тени замшелых надгробий?
На родине мне тоскливо:
ищу я в земной утробе
царей и героев скрытых,
осмеянных и забытых.

⁶² Дух формального исполнения религиозных предписаний – символ лицемерия и ханжества.

⁶³ Шмот (Исход) 3:2.

Пророчество – вопль немой:
оно, как грязь у обочин
Кто суетой озабочен,
зачем им пророк живой?
Свои провожая дни,
не чувят, как овцы, они
грядущего дня резни...

Как чёрный коршун, беда
пришла на охоту сюда.
Проклятие губит край,
и полумесяц кровавый,
как серп, покрытый отравой,
снимает свой урожай.

Пусть коршун машет крылом,
пусть полумесяц висит,
над ними – Магендавид⁶⁴
он сторож в доме моём.

Горящий Магендавид!

«Один я пока ещё гневаюсь здесь...»

Один я пока ещё гневаюсь здесь.
Я боль и горечь в стихах излил.

⁶⁴ Шестиконечная звезда – еврейская национальная эмблема.

Но из колодца, откуда пил
я горечь эту, рождавшую гнев,
выпьет завтра другой поэт:
как лезвие, выйдет из уст напев...

Поцелуй грядущему и привет!

Из цикла «Семь осколков гранита»

«Обречён, кто живёт без меча и доспехов в Содоме...»

Обречён, кто живёт без меча и доспехов в Содоме,
и уверен, что стены крепки в его доме.
Ибо горе народу тому, когда ярость подходит к порогу,
матерям и младенцам, и Дому, где молятся Богу.
Горе мёртвым, чья кровь липнет к вражьи́м колёсам,
и овечьим стадам, и прозрачным ручьям, и покосам.
Горе рекам его и колодцам с их сладкой водой.
Гнёздам птиц его пёстрых, садов плодоносных расцвету.
Горе любящим страстно и горе поэту.
Горе ниве, где Богом взлелеян побег золотой.
Горе гроздьям его молодым, горе струнам.
Если близится враг – нет укрытья ни старым, ни юным.
И поднимет тогда обречённый народ этот вой
в луже крови своей, как затравленный зверь полевой.

«Кто выходит с мечом за страну и народ...»

Кто выходит с мечом за страну и народ,
ценит жизнь больше тех, кто уходит от боя.
После слёз и прощальных объятий
рады солнцу бойцы и грустят на закате.

Потому что им жизнь дорога – и не знают они,
что их ждёт: возвращенье домой или тлен,
отдают они родине то, что дороже всего:
кровь из вен.

Весел каждый солдат – пусть изношен мундир,
он величьем борьбы не готов пренебречь,
ибо ради народа он вынул свой меч.
И не хлебом он сыт, опьянён не вином,
но немеркнущим светом Иерусалима.
Он не дрогнет, и клятва его нерушима,
отражение Давида сияет на нём.

Таким был древний Израиль, вступающий в Ханаан.
Таков возрождённый Израиль в дни скорби и ран.

«Они с оружием пали.....»

Они с оружием пали...

Их голос умолк.

Они были веселы, юны – отборный Давидов полк.

Просты, как пастух Давид: в походной сумке ломоть.

Тебе хвалу из гробниц они воздадут, Господь!..

Не смертный прах их тела укрыл.

Из этого праха был создан Адам.

И скалу, на которой высился Храм,

из такого же праха Бог сотворил.

От них приходит истина к нам.

Свет, идущий от их могил,

озаряет сияньем того, кто слаб.

И в душе у него умирает раб.

«То, чего не вернуть – нам дороже всего...»

То, чего не вернуть – нам дороже всего,

и в мелодии сфер скрыта тайна его;

то, что можно постичь – светит нашим глазам:

золотистым сиянием видится нам.

Мы – солдаты, пока наш порыв не угас,

наш сегодняшний день – поле брани для нас,

и велик в нём и блага и гнева запас.

И как прошлого образ – грядущего лик:

в нём величья и царства заветный кристалл.

А идущий к суду и правленью – велик:
в узел силы он ярость свою завязал.

Не лицо искажённое нашего дня,
не бессильная чья-то, из глины, рука —
из гранита тот будущий лик и огня,
и сиянье и твёрдость его – на века.

И грядущим и прошлым тот лик озарён:
от Синая горит до Синая, и мы
видим, как над рутиной возносится он —
и блаженны идущие в гору из тьмы.

«Что за символы были на наших знамёнах...»

Что за символы были на наших знамёнах
в дни Синайской пустыни, в дни Царства Давида?
И подобно кому нас могуществом благословляли
Праотец наш и Законодатель⁶⁵?
И сбылись те великие благословенья:
Змей и Лев, и Орёл – мудрость, сила и власть,
на царях Самарии⁶⁶ и Иерусалима...
Но свершилось проклятье – и рухнул наш стяг.
По закону народа, проигравшего бой,

⁶⁵ Праотец Яков (Иаков) и Моисей.

⁶⁶ Самария (Шомрон) – название столицы Израильского Царства, одного из двух еврейских царств в древности.

воркованьем голубки стал клич боевой,
стало блеяньем жалким рычание льва.
Но настанет пора – колесо повернётся,
и придёт этот день: день поднятия флагов,
по закону народа, вознёсшего меч.
Будет ворон на знамени вышит
предрекающий гибель врагам – как живой,
и ведущий ряды наши первые в бой:
в память воронов тех, кому домом родным
были семьдесят наших изгнаний⁶⁷, а пищею – прах
и глаза наших мёртвых в кровавых снегах.

«Тот, на ком моя тень – в тени факела он...»

Тот, на ком моя тень – в тени факела он:
не узнает свой дом,
даже близких забудет.
Ибо взору его открывается вдруг
то, что скрытым казалось за ближним холмом:
даль до края земли, за которой
как на утре Творения, высятся горы,
а над ними – огонь первозданной зари.
Вырывается плоть из теснин на простор
по закону стремленья, манящего сердце и взгляд —
и уходят дома, отступают деревья назад,

⁶⁷ Древняя еврейская традиция говорит о семидесяти народах мира. Соответственно – семьдесят изгнаний.

и поля и долины серебряных рек.

И в сиянье дороги идёт человек...

Голосистые птицы

за плечами его остаются, и только орёл

распростёр свои крылья над ним

и зовёт за собою вослед:

в небеса, где горит восходящий рассвет.

**«Облаков виноградины тёмных
и зелень от края до края...»**

Облаков виноградины тёмных и зелень от края до края,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.